

Зебунисо Расулзаде

Афсонаҳо Сказки

«Халқи мо аз даврони қадим китобро сарчашмаи ақлу хирад, донишу заковат, ахлоқи ҳамида, ва беҳтарин ҳамнишину ҳамроз, омӯзгори беминнат, ҳамсӯҳбати хушгуфтору беозор мепиндошт. Ва бузургони мо китобро аниси кунчи танҳой ва фуруғи субҳи доноӣ медонистанд».

Эмомалӣ Раҳмон

Spotlight
Initiative

Зебунисо Расулзаде

СКАЗКИ

АФСОНАҲО

Зебунисо Расулзаде, АФСОНАҲО/ СКАЗКИ , Хучанд
----- стр.

Данная книга издана ОО «Ассоциация «Женщина и общество» в рамках проекта «Содействие изменению гендерных стереотипов и формированию нулевой терпимости к гендерному насилию среди детей от 8 до 12 лет путем определения приоритетов детей, гендерной адаптации сказок и их распространения на таджикском и узбекском языках» при поддержке ОО «Гендер и развитие» в рамках деятельности по компоненту «Создание школы гендерных активистов; Разработка стратегии гражданского сообщества, ведущей к поведенческим изменениям в отношении гендерного насилия, и Реализация инициатив стратегии, направленных на предотвращение насилия в отношении женщин и девочек» реализуемому структурой «ООН-Женщины» и национальным партнёром НПО «Гендер и Развитие» в рамках Инициативы Луч света в Таджикистане — Совместной инициативы ЕС и ООН по искоренению насилия в отношении женщин и девочек.

Не для продажи.

Перевод на таджикский язык выполнен при содействии Центра переводов при Союзе писателей РТ.

Переводчики: Камол Насрулло, Азиз Азиз, Абдуманнонов А.

Редактор: Абдуманнонов А.

Художник-иллюстратор: Набиева С.

©Зебунисо Расулзаде 2022

СКАЗ О ХРАБРОЙ ДОЧЕРИ

Послушай, дочь моя, предание,
От предков, что осталось в назидание.
Давным-давно жил падишах один,
Добрый, справедливый, страны был властелин.
Но из детей у шаха была лишь дочь,
Глаза и брови у нее темны как ночь.
И падишах состарился, сильно занемог,
Глаза совсем не видят, и ходить не смог.
Пришёл его проведать давний друг,
Сказал, что можно излечить недуг.
Что есть в далёком царстве знахарь именитый,
Готовит зелье знахарь из травы там дикой.
И если зелье то к глазам приложишь ты,
Увидишь свет, спасешься от темноты.
Лежал тот падишах и горько причитал:
"Ну почему Аллах мне сыновей не дал?
Ах, если бы сейчас был у меня сынок,
Волшебное то зелье раздобыть бы смог..."

Услышала те речи его дочь,
Вскочила с места: "Папа, мне невмочь...
Хоть Бог не дал Вам сыновей,
Чем они лучше дочерей?
Я зелье это, о, Отец мой, раздобуду,
Надеюсь, что чрез месяц вновь домой прибуду".
Хоть отговаривал её великий падишах,
Горел огонь желания в её глазах.
Благословил отец, коня ей снарядили,
И на рассвете в путь долгий проводили.
Скакала девушка-царевна день и ночь,
Ведь так хотела всей душой отцу помочь.
Подъехала к домишке, был он обветшалым,
Решила отдохнуть немного на привале.
Старушка в домике лежала на суфе,
Вся исхудавшая, с платком на голове.
Увидела как девушку, взмолилась:
"Болезнь внезапно на меня свалилась,
Встать с места не могу дня три,

Пожалуйста, дочка напои и накорми..."

Девушка старушку напоила,
И из своих запасов накормила.

Поела та старушка, набралася сил,
У девушки-царицы она спросила:

"Куда путь держишь, милая, ты Расскажи?
И от меня, от старой, тайн ты не держи"

Девушка - царевна, всё ей рассказала,
Старушка выслушала, а потом сказала:

"Опасная затея, доченька моя,
Боюсь, что по дороге погубишь ты себя.

Ведь лекарь зелье то отдаст только тому,
Кто семена дерева принесёт ему.

А эти семена прячет страшный див,
И в деле этом вовсе нету перспектив.

Ведь днём и ночью див их сторожит,
И под подушкой те семена хранит.

И было много храбрецов и пахлавонов
Мужчин отважных с разных регионов,
Которые хотели те семена добыть,

Но оборвал тот див их жизней нить..."

Царевна храбрая страх не показала,
"О, матушка, ты поддержи!", - сказала.
«Ведь то, что не под силу воинам, быть может,
Выполнить смогу я, если Бог поможет.
Пусть женщина я, не воин, не мужчина,
Для страха и отказа не вижу я причины.
Ведь трусом прослывет, кто в поражении
признался,
И слабый тот, кто от цели отказался».

Старушка отвечала: "Так тому и быть,
Я подскажу, как семя древа раздобыть,
Я вижу, смелая ты и на своём стоишь,
Надеюсь, одолеешь Дива ты и победишь.
Когда придёшь ты к Диву в дом,
Увидишь много слуг и скота в нём.
Ты окажи для них услугу, сделай им добро,
Они тебе помогут, ведь Див есть зло.
Он издеваться любит над прислугой и скотом,
И нет покоя никому в доме том.

А если Див погонится вдруг за тобой,
Даю тебе брусок и гребень я с собой.
И зеркало вот это тоже заberi,
Как семя древа раздобудешь, ты быстрее беги!"
Сказала так старушка, всё девушке вручила,
Царевна же всё сделала, так как она учила.
Скакала долго, вдруг видит огромный дом,
И двор большой, прислуг много в нём.
К воротам подошла, ворота так скрипят,
И грустно так на гостью смотрят, говорят:
"Ох, и хозяин Див, нас он не мажет маслом,
У нас калитка заржавела, как мы несчастны!"
Она очистила ворота, маслом,
Намазала калитку, починила в одночасье.
Затем увидела собак там во дворе,
На привязи сидели уныло в конуре.
Перед собаками вместо еды, трава,
Напротив кони кости для них еда,
Оставлены в хлеву, на привязи они,
И звери как один все голодны, грустны.

Девушка траву коням отдала,
Собакам кости положила и сказала:
"Покушайте еды..." Потом водицы принесла,
Всех напоила, в хлеву всё подмела.
Прошла чуть дальше, служанок увидала,
Лепёшки, что пекли немного и немало,
И рукавичек нет у них и руки обжигают,
И от страданий, боли все изнемогают.
Девушка - царевна вмиг камзол сняла,
Чтоб руки защитить им от огня, тепла,
Она им из камзола рукавички сшила,
И каждой из служанок их вручила.
Прошла на задний двор, увидела дехкан,
Что огород копали, но был у всех изъян.
Дехкане исхудалые, что косточки торчат,
Руками еле двигают, и все молчат.
Царевна - девушка к ним быстро подошла,
Дала лепешку, водицы принесла.
Как благодарны были те дехкане ей,
И вся прислуга дива стала к ней добрей.

Собрались вместе все и девушке сказали:

«Зачем пожаловала ты в такие дали?»

Царевна - девушка о цели рассказала,

"Пожалуйста, поддержите вы меня!",- сказала.

Слуги говорят: «Див прибывает в дом,

Обедает и спит, что храп стоит кругом.

Ты спрячься в его спальне ухо в остро держи,

Когда уснёт он, ты на глаза смотри.

Ведь если оба глаза открыты у него,

Значит уснул, ты обмани его.

Тихонько укради из под подушки семя,

И быстро убегай и выиграешь ты время.

Но будь ты начеку, если закрыт вдруг глаз,

То значит - он не спит, поймает в тот же час».

Царевна смелая спряталась в спальне,

У Дива грозного в опочивальне.

Сидит, вся притаилась...прибыл Див,

Как он уродлив был, как же некрасив!

Вошёл, поел лепёшек, поругал прислуг,

Потом пришёл он в спальню и уснул.

Коробку с семенами под подушку спрятал,
Носил её с собой везде, где был, летал.
Уснул, был как гора или огромный зверь,
На весь огромный дом так громко захрапел.
Царевна смотрит, а глаз один закрыт,
А Див-то хитрый, притворился, что он спит.
Сидела тихо, прошло так четверть часа,
Вновь посмотрела: открыты оба глаза.
Тихонько к Диву она тут подошла,
Коробочку неслышно забрала.
Вмиг на коня вскочила и сбежала,
Ведь времени осталось очень мало.
Див вдруг проснулся и громко закричал,
Своим он девушкам-служанкам приказал:
-Эй, Вы, служанки, вора-то держите,
Кто семя выкрал, её остановите!
Они сказали Диву: "Не выполним приказ!
Она ведь рукавички сшила для всех нас!"
Див рассердился и громко зарычал,
Дехканинам - прислуге приказал:

- Эй, вы! Дехкане, вора-то держите,
Кто семя выкрал, её остановите!

- Они сказали Диву: не выполним приказ,
Она ведь накормила, напоила нас!

- Див пуще рассердился и громче зарычал,
Своим коням, собакам приказал:

- Эй вы, собаки, кони! Вора-то держите!
Кто семя выкрал, её остановите!

- Они сказали Диву: не выполним приказ,
- Еду нормальную дала и напоила нас.

Див зарычал и громко закричал,
Воротам и калитке гневно приказал:

Эй, вы ворота, вора-то держите,
Кто семя выкрал, её остановите!

Ворота и калитка сказали "Нет!" в ответ.
"Ты нас не мазал маслом много, много лет,
А девушка калитку починила,
Намазала её, почистила, помыла!"

И Диву некуда теперь деваться,
Он сам вдогонку за девушкой собрался.

Так близко подошёл, что вот её настигнет,
Ой, пропадет царевна, ой погибнет!
Чуть-чуть осталось он до коня достанет...
Но гребень в этот миг назад она кидает.
И вырос лес огромный и дремучий,
Подумала: "Ушла благополучно..."
Но только Див, прошёл он через лес,
Сейчас догонит он её и съест...
И бросила брусок, старушка что дала,
Брусок упал, и выросла гора.
Див начал гору ту перелезать,
Прошёл лишь час, он начал догонять.
Тогда, то зеркало, старушка что дала,
За спину бросила, вдруг разлилась река.
Была река огромна, очень глубока,
Теперь-то Див догнать не сможет ездока.
А Див решился реку ту большую переплыть,
Да только берега не смог он так достичь.
В пучине той реки злой Див тот утонул,
И так в объятия ада Див - тиран нырнул.
Царевна смелая дальше поскакала,
Проехала дня три немного и немало.

И прибыла в страну, где знахарь жил,
В специальном доме знахарь всех лечил.
Царицу быстро к знахарю проводили,
Её за дастархан накрытый посадили.
Она пред знахарем с уваженьем поклонилась:
"За зельем для отца к Вам знахарь, я явилась!
Отец мой падишах, ослеп он, занемог,
И буду благодарна я тому, кто бы помог!"
А знахарь отвечает: "Я зелье подарю,
И лишь взамен я семена прошу,
Но сложно очень те семена добыть,
Ведь Див не прекращает их лично сторожить..."
Царевна смелая ему так отвечает:
"Уже я раздобыла!", - коробочку вручает.
От изумленья знахарь дар речи потерял,
"Какая храбрая, дам зелье",- он сказал.
" Смогла ты раздобыть дерева семя,
И можно наварить лекарств полно и зелья!
Теперь лечить болезни станет людям проще,
Мы семена рассадим и вырастим здесь рощи!
С собой тебе я дам семян немного,
И научу сажать их, путь то долгий.

И расстояние большое до твоей страны,
Возможно, что лекарства будут вновь нужны!".
Так он сказал, недели две учил,
И семена с царицей в саду он посадил.
Царевна научилась растить те семена,
Ведь знания нужны в любые времена.
Спустя недели три храбрая царица,
Решила в край родной свой воротиться.
И знахарь девушку с почётом проводил,
И семена волшебные, рецепты подарил.
Скакала храбрая царевна день и ночь,
Народ и шах ликуют: вернулась снова дочь!
Царевна смелая отцу зелье волшебное вручила,
И рассказала по пути что приключилось, было.
И знать, народ и все родные шаха,
В поклоне преклонились пред будущим монархом.
Вот так царевна храбрая, смелая та дочь,
Смогла лекарство раздобыть, отцу помочь.
И после шаха управляла долго,
Была царицей мудрой, любимицей народа.

Сказка о храброй дочери

Мораль сего предания, о, друг мой, такова:
Бывает так, что сына не будет у тебя.
И если Бог даёт лишь только дочерей,
Пусть не спешат мужи расстраиваться быстрее.
Ведь храбрость непомерную может, проявит дочь,
И выполнить всё то, что сыновьям невмочь.
Ведь дочь иль сын всё это от Аллаха,
Владыки всех миров, земли и праха.
И если сына нет, за дочь благодари,
Ведь есть такие дочки, что сыновьям равны!

ВОЛШЕБНАЯ СЕРНА

(по мотивам таджикской народной сказки)

Жили в горах крестьянин с женой. Они посадили вокруг дома сад, и он был их единственной отрадой, пока не было у них детей. Когда же у них родился сын, они назвали его Сафаром. Родители очень любили мальчика, вместе трудились и заботились о нем. Когда мама готовила еду, отец помогал разжигать костер, а потом смотрел за Сафаром. Они вместе обнимали сына и улыбались. Сафар быстро рос, был здоровым и крепким мальчиком.

Внезапно мать Сафара заболела. Лежа в постели, больная говорила только о сыне, тревожилась о его судьбе. — Если я умру, ты не обижай сына, заботься о нем, жалей его, — твердила она мужу. Через несколько дней она умерла.

После ее смерти прошло время и отец Сафара решил жениться. Он помнил о просьбе своей умершей жены и выбрал в жены женщину, у которой был сын старше Сафара, которого звали Зафар. Женщину звали Насиба, и она согласилась выйти замуж за него при условии, что в их доме не будет разделения на приемных и родных. Отец Сафара согласился, и они зажили вчетвером.

Насиба была очень доброй женщиной и

приняла Сафара как родного сына. Утром она будила сыновей, кормила их вкусным завтраком и посылала пасти скот высоко на горе. Она давала им вкусные лепешки и кусочек сыра с мясом, чтобы они утолили голод. Братья очень подружились и делали всё вместе.

Но вот однажды в их край пришла беда. В горах появилось неведомое чудище. Оно нападало на скот и людей, все жители страны жили в большом страхе перед ним. Сафар и Зафар решили пойти сразиться с чудищем, но Насиба не хотела отпускать сыновей. Однажды вечером сыновья пришли к родителям и сказали: «Отец, мать, мы пойдем сражаться с этим чудищем, мы попросили соседа кузнеца смастерить для нас щиты и мечи. Пожалуйста, благословите и отпустите нас».

Насиба заплакала, она очень боялась за сыновей. Вдруг, из окна они увидели, как к ним во двор вошла волшебная серна, от которой исходил мягкий свет. Вся семья выбежала на улицу. Серна обычно пугливое животное и не подходит к людям, но эта серна подошла к ним и заговорила человеческим голосом:

«Я душа умершей матери Сафара. Насиба, ты вырастила моего сына и всегда хорошо относилась к нему, я тебе за это очень благодарна. Не бойтесь, отпустите сыновей. Только они смогут победить это чудище. Я буду охранять их и помогать им в пути». Насиба и отец Сафара были удивлены

этому, и только теперь решились отпустить сыновей в путь.

Утром Насиба с мужем подготовили дорожную сумку, дали благословление и братья вышли в путь. Волшебная Серна сопровождала их.

А теперь мы заглянем во дворец падишаха и посмотрим, что там происходит. Падишах был стар и уже не мог возглавить войско против чудища, хотя очень хотел это сделать. Поэтому, он созвал визирей, чтобы обсудить этот вопрос. В это время в комнату собраний вошли две дочери падишаха Садбарг и Ясмин. Они подошли к отцу, поклонились и сказали: «Отец, пожалуйста, отпусти нас сразиться с чудищем. Ты взрастил нас и обучил всему: наукам и боевым искусствам. Мы можем стрелять из лука и ездить на лошади, мы владеем мечом не хуже мужчин».

Все были поражены словами девушек. Падишах знал, что его дочери обладают не только смелостью и решимостью, но и упрямством. Если он им запретит поехать, то они могут сбежать тайком. Они были очень похожи на свою мать, которая отличалась смелостью, умом и твердым характером. Когда-то давным-давно, когда дочери были еще малы, они отправились на охоту и она пропала в лесу. Падишах и все слуги, воины долго искали её, но так и не смогли найти. Он долго горевал по этому поводу, но дочери стали его

отрадой после её потери. Поэтому, ему было очень тяжело отпустить их в такое опасное путешествие.

Но он знал, что смекалка его дочерей может помочь в решении этой сложной задачи. Тогда он обратился к главному сипахсалару¹: «Сипахсалар, ты как родной дядя для них и поэтому, я назначаю тебя попечителем своих дочерей. Они вместе с тобой и войском выйдут в путь. Я уверен, что они помогут вам достичь цели. Береги их как зеницу ока».

Сипахсалар поклонился в знак согласия и утром они вышли в путь.

¹ Сипахсалар (перс.) – главнокомандующий армией

Прошло несколько дней. Сафар и его брат долго шли по горам и дошли до ущелья, где они увидели войско, которое расположилось на ночлег на опушке леса. Волшебная Серна сказала братьям: «Идите к ним навстречу, присоединитесь к ним, но не рассказывайте обо мне». Сафар с братом поспешили к ним. Воины вышли навстречу и спросили у них куда они направляются, братья рассказали им о цели своего путешествия. Их привели к Сипахсалару, который сидел в большом шатре. Вместе с ним в шатре сидели дочери падишаха, одетые в доспехи. Сафар и его брат рассказали Сипахсалару о своей цели. Сипахсалар похвалил братьев за смелость и попросил их остаться в лагере.

— Утром мы выйдем в путь и доберемся до места обитания чудища. Тогда и проявите свою смелость, юноши.

Сафар и Зафар направились в лагерь, поели и легли спать. Но, они не могли сомкнуть глаз. Им обоим понравились смелые девушки, которых они увидели в шатре Сипахсалара. Вдруг в их палатку вошла волшебная Серна:

— Вставайте дети мои и тихо следуйте за мной.

Братья последовали за ней. Серна велела им подобраться к краю опушки леса и спрятаться в укрытии. Сафар и Зафар затаились и наблюдали. Из их укрытия весь лагерь был виден как на ладони. Вдруг они заметили, что из шатра вышел

Сипахсалар в черном плаще и направился в сторону леса. Вслед за ним бесшумно и осторожно из шатра вышли девушки в доспехах и крадучись последовали за ним. Девушки старались спрятаться так, чтобы Сипахсалар не заметил их. Но Сипахсалар почувствовал слежку и обернулся. Тогда Волшебная Серна накрыла девушек волшебным щитом и он, не заметив их, пошел дальше. Серна привела девушек в укрытие Сафара и Зафара и велела им сидеть тихо и наблюдать за Сипахсаларом отсюда. Вдруг все они увидели, что к Сипахсалару прилетел большой черный ворон, покружил над ним три раза и обернулся Черным Волшебником.

— Сколько времени тебе еще нужно Сипахсалар, чтобы захватить всё королевство? - сказал Черный Волшебник.

— Осталось совсем немного. Прикажи своему чудищу убить дочерей падишаха. Он и так стар и слаб, горе совсем убьёт его. Тогда я сяду на трон и всё станет моим!

— Хмм...очень хорошо ты придумал... убьешь чудище и избавишься от наследниц трона и станешь героем! Что я получу взамен?

— Всё что хочешь.

— Тогда как только сядешь на трон, ты отдашь мне Книгу заклинаний и кольцо падишаха, которые спрятаны в хранилище дворца.

— Ты всё получишь, только помоги мне уничтожить царевен и стать падишахом!

Черный Волшебник сказал:

— Завтра на рассвете подними войско и выходи в путь, приведи их к краю ущелья. Возьми царевен и направляйся с ними в глубь леса, там чудище нападет на них и уничтожит. А потом, возьми этот порошок и рассыпь вокруг. Чудище уснет вечным сном. Знай, что я приношу в жертву своего слугу ради тебя, не вздумай обмануть меня!

Сипахсалар поклонился в знак благодарности перед Черным Волшебником и вернулся в шатер.

Садбарг, Ясмин, Сафар и Зафар остались в укрытии. Все были поражены предательским поступком Сипахсалара, но нельзя было медлить. Волшебная Серна сказала:

— Садбарг, Ясмин, помните, что отец дал вам обеим перед тем, как вы вышли в путь?

Садбарг показала цепочку, на которой висело кольцо, а Ясмин вытащила из-за пазухи Книгу, которая была очень древней.

— Отец дал нам эти вещи и сказал, что они будут нашими талисманами в пути.

Серна сказала: Эта Книга – Великая Книга заклинаний, а это кольцо – кольцо повелителя духов. Черный Волшебник хочет завладеть ими, чтобы захватить весь мир.

Задай вопрос и открой книгу и тогда появится заклинание, которое поможет найти ответ.

Ясмин сказала: «Как нам победить чудище?» и открыла книгу:

В Книге появилась надпись:

Возьми кольцо ты дочь моя,

Надень на палец правый,

И духи будут охранят тебя,

И сберегут от лавы.

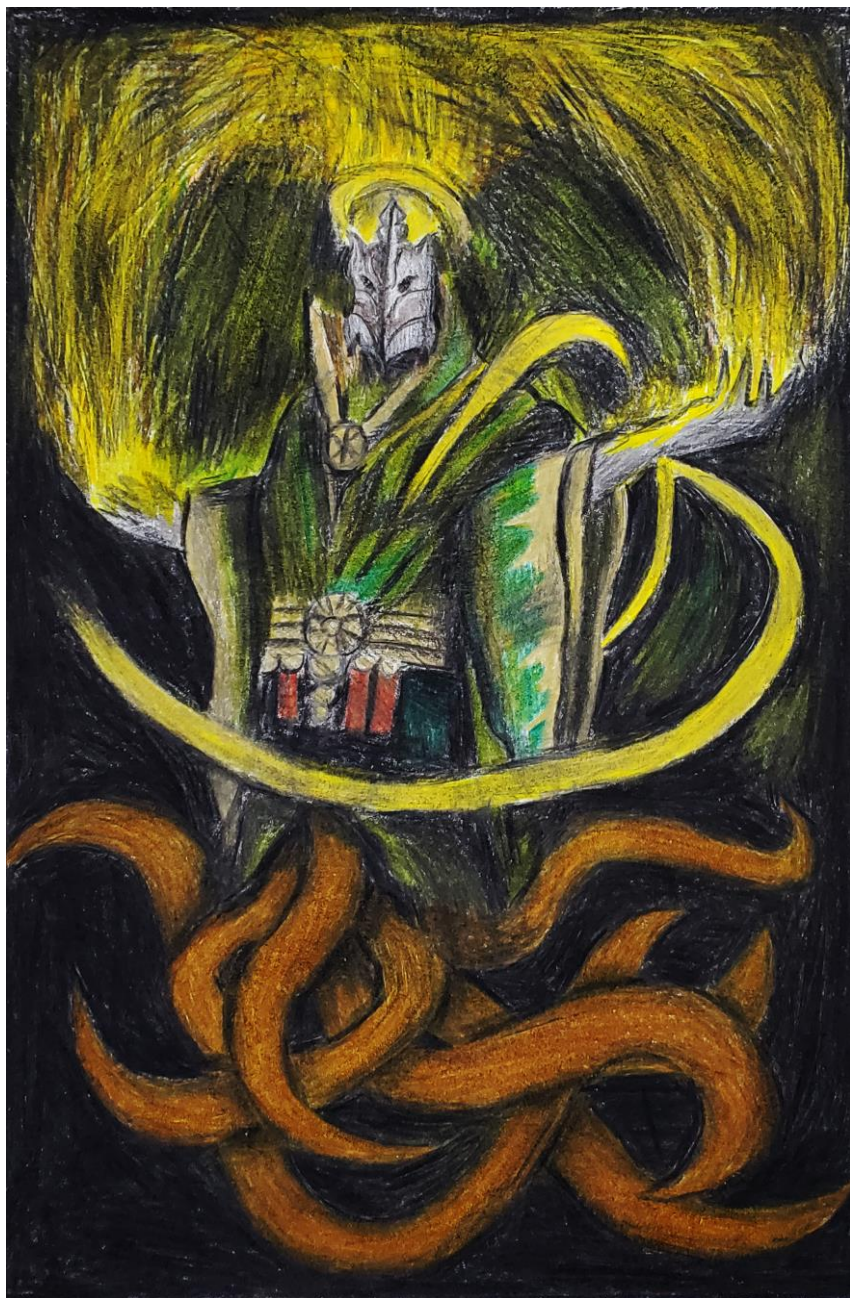
Мечи свои вы возьмите,

Все вчетвером и дружно,

И талисман потом срубите,

Вам чары развеять нужно.

«Следуйте этому указанию, — сказала Серна, - и вы победите Черного Волшебника и Сипахсалара. Я тоже буду вместе с вами».

Сафар, Зафар, Садбарг и Ясмин решили дальше держаться вместе и делать всё как подсказала Книга заклинаний и Волшебная Серна.

Наступило утро. Сипахсалар велел воинам двинуться в путь. Они подошли к краю ущелья и он, взяв девушек направился в чащу леса. Сафар и Зафар незаметно последовали за ними. Вдруг из темной чащи леса появилось чудище. Оно было очень страшным. Из его пасти шел огонь, чудище направило своё огненное дыхание на девушек. Садбарг надела кольцо на правую руку и выставила щит. Вокруг них появился защитный круг и лава, и огонь чудища не смогли нанести им вреда. Ясмин заметила, что у чудища на груди на цепи висит медальон с каими-то знаками. Она поняла, что это и есть тот талисман и подала знак Сафару и Зафару. Братья подбежали к ним, они вчетвером вытащили мечи и нанесли одновременно удар по медальону. Вдруг раздался грохот, чудище исчезло, вместо него появилась женщина.

Списахсалар, не ожидавший такого поворота событий, накинулся на них, но вчетвером они смогли противостоять ему и победили его. Вдруг прилетел черный ворон и начал кружить над ними. Тогда Сафар, Зафар, Садбарг и Ясмин взяли лук и стрелы и сразили его. Черный ворон сгорел и превратился в пепел.

Волшебная Серна подвела женщину к ним и сказала: это жена падишаха, которая пропала много лет назад. Во время охоты Сипахсалар заманил её в ловушку, а Черный Волшебник заколдовал и превратил в чудище. Она должна была исполнять приказы злого Волшебника. Мои дети – вы развеяли чары и спасли её, когда разрубили медальон. Только удар четверых мечей, соединенных воедино не обычными людьми, а теми у которых в сердце горит любовь, мог уничтожить его.

Садбарг и Ясмин поняли, что это их пропавшая мать и были просто счастливы.

Они вместе вернулись к войску и с победой возвратились во дворец. Падишах, увидев свою любимую жену и детей живыми и невредимыми, быстро пошел на поправку. Садбарг и Ясмин рассказали отцу обо всем, что случилось.

Набравшись смелости, Сафар и Зафар попросили руки Садбарг и Ясмин. Падишах спросил дочерей: нравятся ли вам эти юноши? Готовы ли вы разделить с ними свою жизнь? Садбарг и Ясмин ответили, что да. Эти юноши помогли им победить Сипахсалара и Черного Волшебника, и они проверили их в самом сложном бою.

Родители Сафара и Зафара прибыли во дворец и сыграли свадьбу. Так, с помощью Волшебной Серны отважные юноши и смелые дочери падишаха смогли раскрыть предательство, победить Черного Волшебника и обрести любовь и счастье.

Сказка волшебная серна

Дорогой читатель, Насиба заменила родную мать осиротевшему Сафару и благодаря тому, что они с отцом Сафара не делили детей на своих и чужих в их доме была гармония и взаимопонимание. Добрая серна поддержала их и благодаря храбрости и уму Садбарг и Ясмин, Сафара и Зафара была разгадана тайна Сипахсалара. Отважные девочки смогли спасти свою мать. В своё время падишах научил дочерей езде на коне, стрельбе из лука и другим навыкам, которые помогли им справиться с трудностями. Надеюсь, что Вы также будете учиться хорошо, изучать другие полезные навыки и обучать им Ваших сестер.

ЭРАДЖ И ГУРДОФАРИД

(по мотивам таджикской народной сказки)

В давние времена жил-был искусный каменотес по имени Сафар. Он делал жернова для мельниц, тесал камни для столбов, стен дворца и крепостей.

И вот вдруг на его страну напали страшные чудовища—полулюди-полуживотные. Каменотес вместе со своими односельчанами пошел сражаться с ними. В борьбе побеждали то одни, то другие. Но в единоборстве с самым сильным чудовищем каменотес попал в его лапы и был взят в плен.

Много лет о Сафаре не было никакого слуха. Сын и дочь каменотеса — трехлетний Эрадж и однолетняя Гурдофарид остались с матерью и стал расти без отца.

С малых лет Эрадж и Гурдофарид отличались умом и храбростью, а когда мать отдала их в школу, они учились лучше всех и были любимы учителями и товарищами. Эрадж учился езде на коне, стрельбе из лука и обучал всему этому свою сестру Гурдофарид. Эрадж всегда старался помогать своей сестре и матери,

Однажды ранней весной на Навруз все односельчане, в праздничной одежде, собрались на площади за селом. Там состоялись состязания наездников и игра в мяч. Здесь борцы показывали свою силу, певцы, музыканты и скоморохи — свое мастерство.

Вместе со всеми веселились Эрадж и Гурдофарид. Они участвовали во всех состязаниях. Особое мастерство и ловкость показала Гурдофарид в игре в мяч. Несколько раз с лошади она загоняла мяч в ворота противника и вызывала восхищение и рукоплескания зрителей.

На третий день праздника на площадь пришли борцы из окрестных сел. Эрадж со своими товарищами тоже пришел на площадь борьбы. Со всех сторон неслись звуки карная, сурная и барабана. Борьба началась. Борцы из разных сел состязались друг с другом.

Все борцы из села Эраджа потерпели неудачу. Тогда на площадь борьбы вышел сам Эрадж. Борец из соседнего села, увидев на поле борьбы юношу пятнадцати-шестнадцати лет, воздержался от борьбы и сказал:

— Ты еще ребенок, борись с детьми!

Эти слова сильно задели Эраджа, и он крикнул:

— Не важно, ребенок я или нет, выходи, показывай свое мастерство! —И, схватив правой рукой за руку борца, он так дернул его в свою сторону, что борец шага на три перескочил Эраджа. Борец понял, что борьба будет серьезной. Он быстро схватился с Эраджем, а Эрадж взял его за ворот, с силой дернул на себя, а сам нагнулся, перекинул его через свою голову и прижал к земле.

Со всех сторон слышались рукоплескания, смешивающиеся со звуками карная и сурная.

Вечером, перед концом праздника, многие люди, в том числе люди преклонного возраста, подходили к Эраджу и Гурдофарид и поздравляли их с успехом.

— Тысячу раз спасибо вашему отцу,— говорили они,— вы будете такими же доблестными воинами как он!

Когда Эрадж и Гурдофарид слышали такую похвалу своему отцу, они серьезно задумались о нем. Эрадж и Гурдофарид сразу переменились в лице, радость померкла, а их большие красивые

глаза потускнели. Огорченные и раздосадованные пришли они домой.

Радостно и ласково встретила их дома мать. Но Эрадж и Гурдофарид, опечаленные и молчаливые, сели в углу комнаты, погруженные в мысли. Проницательная мать сразу поняла причину их грусти, со слезами на глазах обняла их, поцеловала в лоб и сказала:

— Дорогие мои Эрадж и Гурдофарид, росточки моего счастья! Почему в день праздника, когда все веселы и радостны, вы кажетесь печальными и огорченными?

— Любезная матушка, — сказал Эрадж, — если бы ты сегодня была на поле и видела, что было с нами, опечалилась бы еще больше нас. — И по просьбе матери дети рассказали все, что с ними случилось. Мать с грустью вынуждена была рассказать им всю правду:

— Дорогие дети, ваш отец был способный человек, в мирное время он был прославленным каменотесом. И вот однажды на нашу землю напали кровожадные чудовища. Он пошел воевать с ними. В первые недели с поля битвы приходили вести о его мужестве и отваге, потом ничего не стало слышно, говорят, что он попал в плен к

дивам, к страшным безжалостным чудовищам. У них огромные глаза, головы с коровьими ушами, с круглыми ноздрями, с проваленным ртом. Где бы они ни увидели человека, насильно хватают его и волокут к себе. Эти чудовища — враги спокойной жизни нашего края, они терзают мирных людей как на суше, так и в воде. Живут они на острове, окруженном водой. Иногда чудовища покидают остров, набрасываются на мирные земли, грабят и опустошают их, хватают людей и уносят с собой.

Слыша все это, Эрадж и Гурдофарид представляли себе, какие муки претерпевает их отец в плену у чудовищ.

Всю ночь Эрадж и Гурдофарид видели во сне войну с дивами. Они то боролись со страшным чудовищем, то были в пещере, то поднимались на вершину горы.

Проснувшись утром, они все время вспоминали отца и решили вступить в бой с чудовищами и освободить его. Привязав меч к поясу и взяв лук и стрелы, они пошли к матери и сказали:

— Ну, мы теперь уходим!

Их мать и соседи думали, что они собрались на охоту, и спокойно сказали:

— До свидания, будьте здоровы! Скорее возвращайтесь, будем ждать!

Эрадж и Гурдофарид засмеялись, поцеловали руку матери, вскочили на своих лошадей и направились в сторону пустыни.

Несколько дней и ночей они ехали по пустыне. Они очень устали, устали и их лошади. Спешившись, они прилегли отдохнуть под деревом у ручья.

Эрадж уснул крепким сном, но Гурдофарид не могла сомкнуть глаз. Вдруг, она увидела, как издалека к ним приближается старец. Она разбудила Эраджа и они направились к нему. Они подошли к нему и поздоровались с ним. Старец приветствовал их и спросил нет ли у них кусочка хлеба, так как он уже два дня ничего не ел. Эрадж и Гурдофарид сразу же достали из дорожной сумки лепешку и протянули старцу. Он улыбнулся и сказал: спасибо, дети мои. На самом деле, я Аша — добрый волшебник. Я знаю, что вы идете сразиться с дивами хотите уничтожить насилие и иго кровожадных чудовищ. Но прежде, чем дать вам в руки волшебное оружие, я хотел проверить насколько добры ваши сердца. Без силы духа, отваги и храбрости нельзя достичь цели!

Потом старец протянул руку вперед и в его руках появился меч. Отдавая его Эраджу, он сказал:

— Меч, который я передаю тебе, имеет много свойств. Во-первых, при ударе по любому металлу он его перерубает; во-вторых, рана от него ничем не излечивается; в-третьих, если он попадет врагу — не перережет даже огурца.

Затем протянул Гурдофарид лук и стрелы и сказал: Вот, дочь моя, возьми этот лук и стрелы: они помогут тебе, когда против вас выступит глава дивов — злой Хенгиль. Целься прямо в сердце чудища, только эти стрелы могут пробить толстый панцирь Хенгиля.

Старец объяснил им как им добраться до обиталища дивов и Эрадж с Гурдофарид поблагодарили его, попрощались с ним, сели на своих коней и поехали по указанному пути.

Когда начало светать, они подъехали к подножию горы, на вершине которой виднелась высокая черная крепость, а перед крепостью стояло несколько тысяч воинов со знаменами. Эрадж и Гурдофарид остались в стороне и стали ждать, что произойдет.

Только солнце озарило своими лучами мир, со стороны войска раздались звуки карная и

барабана. Вмиг растворились ворота черной крепости, и на войско двинулись тысячи страшных чудовищ.

С их стороны тоже слышались звуки карная, но звуки эти походили на рев животных. От этого страшного воя лошади Эраджа и Гурдофарид помчались вскачь, и, когда они, приблизившись к чудовищам, присмотрелись внимательнее, то все, что слышали от матери о них, увидели наяву.

В это время со стороны людского войска выехал на поле боя молодой, красивый и сильный всадник. Все его тело было закрыто железными доспехами, на голове его был железный шлем. С арканом и луком на плече, с копьем и саблей в руках, он стоял против войска чудовищ и требовал борца.

Вдруг от войск чудовищ отделился всадник на слоне, с большим шлемом на голове, с булавой, подобной бычьей голове, и вышел на поле боя. Он так заревел, что задрожала земля и лошади от страха взвились на дыбы.

Молодой богатырь людского войска, как только увидел перед собой великана-дива, смело направил на него своего коня и с обнаженной саблей вступил с ним в бой.

Чудовищный великан направил своего слона на молодого богатыря и щитом отвел его саблю; затем в свою очередь набросился на богатыря с булавой, подобной голове быка. Смелый богатырь прикрыл себя щитом, а великан с таким гневом обрушил на его голову булаву, что подпруга у лошади лопнула, и от этого удара задрожали земля и горы. В это время из людского войска богатырю вмиг подвели другого коня. Он вскочил на коня и с десятиаршинным мечом помчался на чудовище. Он ударил его своим мечом по правому плечу и рассек его пополам. Чудовище, как гора, свалилось на землю.

К молодому богатырю выходило еще несколько чудовищ, и он уложил каждого одним ударом меча.

Вдруг со стороны полчища чудовищ на поле боя вышел их предводитель - громадный див Хенгиль, который был величиной с несколько дивов. Он стал приближаться к богатырю и вдруг, набросив на него аркан, стянул его с лошади и уволок в черную крепость. Сам же он снова вернулся на поле боя и потребовал себе борца.

Много воинов из людского войска выходило на бой с Хенгилем. Некоторые были убиты им, а некоторые уведены в плен.

Эрадж и Гурдофарид поняли, что им пора действовать. Эрадж поскакал вперед, а Гурдофарид затаившись, приготовила лук и стрелы. Приблизившись к чудовищу, он ударил плеткой своего коня и перепрыгнул через голову чудовища. Ни из полчища чудовищ, ни из людского войска никто еще не видел такой ловкости.

Эрадж на своем коне четыре раза объехал дива, потом, остановившись перед ним, сказал:

— Давно уже я таю в своем сердце злобу против тебя, но вот, наконец, ты попался мне!

Хенгиль засмеялся и сказал:

— Будь ты воином, ты имел бы щит и панцирь!

— Щит и панцирь есть у тебя, и они будут моими!

Чудовище вскипело гневом и с булавой бросилось на Эраджа. В это время Гурдофарид пустила стрелу и попала прямо в сердце Хенгиля. Эрадж подскочил к нему и нанес удар мечом. Злой Хенгиль свалился замертво.

Воины людского войска радостно забили в барабаны и пошли в бой с оставшимися чудовищами, часть из которых была убита, а часть взята в плен.

Эрадж и Гурдофарид храбро сражались с дивами, и вскоре черная крепость была освобождена от дивов.

Эрадж, Гурдофарид и несколько воинов пошли освобождать пленников, заточенных чудовищами в темницах. Воины сбивали большие замки с дверей, входили в мрачные тюрьмы, где лежали желтые, изможденные люди, потерявшие надежду на освобождение. При виде освободителей пленники поднимались с мест и встречали их радостными криками и рыданиями.

Эрадж и Гурдофарид с двумя молодыми богатырями шаг за шагом осмотрели всю черную крепость и среди других узников увидели худого полумертвого человека. Эрадж вынес его на свежий воздух и яркое солнце. Вскоре этот человек открыл глаза, глубоко вздохнул и, наконец, смог ответить на их пытливые вопросы и назвал свое имя. Все узнали, что это был прославленный каменотес, совершивший немало подвигов в войне с врагами и попавший потом в плен к чудовищам. Теперь он был свободен и мог снова служить народу своим искусным мастерством.

Так отважные Эрадж и Гурдофарид вместе с воинами уничтожили безжалостных чудовищ, мучивших народ, спасли своего отца от смерти и благополучно вернулись к себе на родину.

Эрадж и Гурдофарид

Мораль сей сказки такова мой дорогой друг, что сила настоящего мужчины заключается в заботе и защите своих близких. Эрадж был очень заботлив к своей матери и сестре. Он обучил сестру всему тому, чему научился сам. Слаженные действия Эрадж и Гурдофарид помогли им победить дивов. Смелость Гурдофарид является примером для наших девочек. Ведь не только богатыри и юноши, но и девушки способны на подвиги.

СЕМЬ БРАТЬЕВ И ОДНА СЕСТРА (ПО МОТИВАМ ТАДЖИКСКОЙ НАРОДНОЙ СКАЗКИ)

Жили муж с женой. У них было семь сыновей, но ни одной дочки. Сыновья часто говорили:

— Мы хотим сестренку, мы бы ее любили, нежили и заботились бы о ней. — Их никогда не покидала надежда иметь сестру. Семеро братьев каждый день уходили на охоту. Бродя по высоким горам, они охотились за газелями, горными индейками, разными дикими зверями и этим кормили семью. Однажды они говорят матери: — Мама, мы пойдем на охоту, если у нас родится сестренка, велите повесить на ворота прялку, а если опять будет братишка, велите повесить на ворота лук.

Вот родилась у них сестренка, мать очень обрадовалась и сказала бабке: — Идите и повесьте на ворота прялку, придут мои сыновья и порадуются.

Старуха пошла и повесила на ворота прялку. Семеро братьев вернулись с охоты и увидели, что на воротах висит прялка и очень

обрадовались. Братья заботились о сестре, обучали её всему что умели сами. Их сестра Гульмох росла очень умной имышленой девочкой. Однажды, старшие два брата отправились на охоту, поскакали за оленем и забрели в ранее не известный им лес. Лес был очень красивый и там было много разных зверей. Олень поскакал и спрятался в пещере. Братья спешили и пошли за ним, но как только они вошли в пещеру, превратились в каменные статуи. Их кони прискакали обратно домой. Все забеспокоились и на следующий день остальные братья тоже поскакали искать двух старших братьев. Но их постигла та же участь и теперь в пещере заколдованного леса стояло семь статуй. Их кони возвратились домой. Гульмох и её родители опечалились этим.

Гульмох сказала матери:
— Матушка, я пойду искать братьев!
Мать стала упрашивать дочь никуда не ходить, уверяла, что она и братьев не найдет и мать свою лишит дочери, но Гульмох всё-таки смогла убедить её, что она сможет справиться с этой задачей и получив её благословление, вышла в путь.

Она скакала и скакала пока не добралась до заколдованного леса. Она также как и её братья увидела оленя и поскакала за ним. Добравшись до пещеры, она увидела каменные статуи братьев и поняла, что без колдовства здесь не обошлось. Она обогнула пещеру и за ней увидела домик. Осторожно спешившись с коня, она вошла в домик. В доме сидела чародейка и читала заклинания. Гульмох поздоровалась с ней:

- Здравствуйте, матушка.

- Здравствуй Гульмох. Ты пришла спасти своих братьев?

- Я вижу матушка, что Вы уже знаете меня и моих братьев. Да, я хочу спасти их. Почему Вы превратили их в каменные статуи?

- Я наказала их за то, что они хотели убить моего оленя.

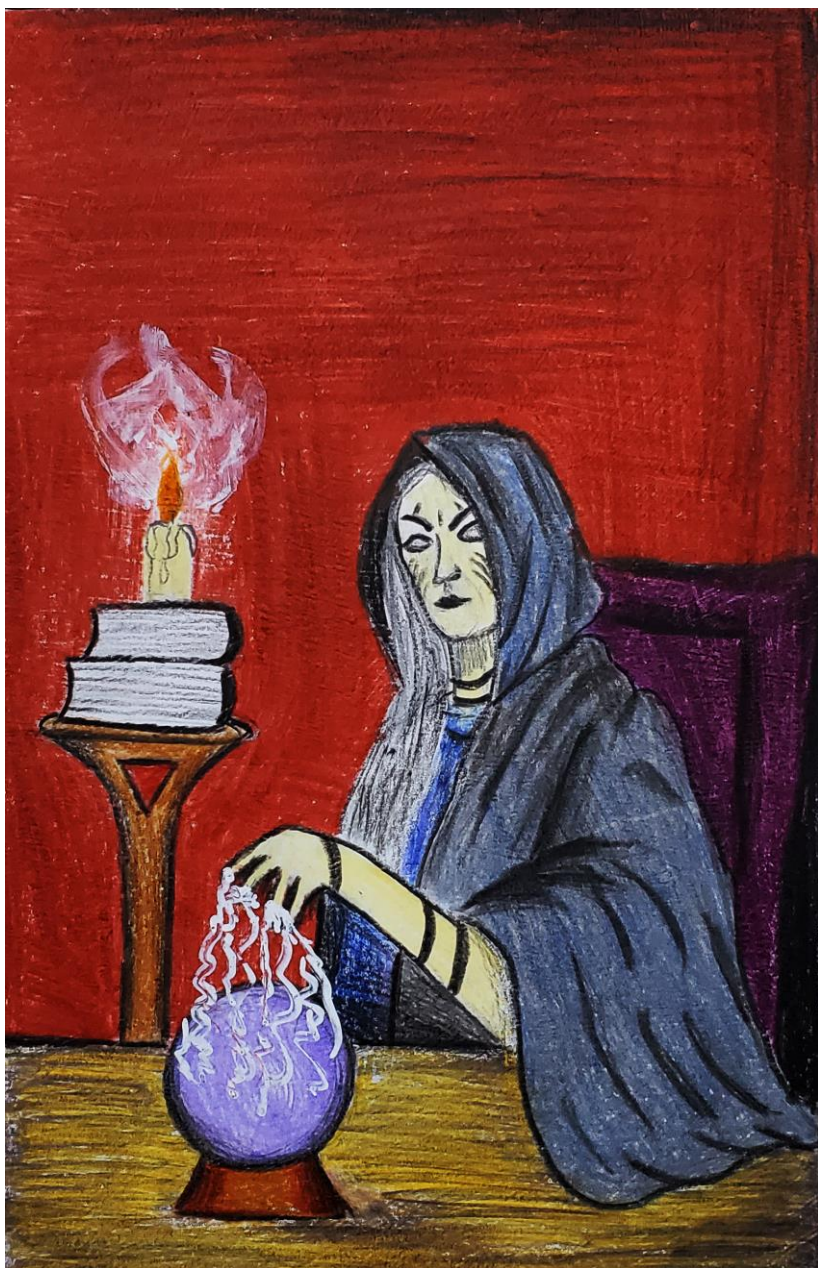
Гульмох спросила:

- Как я могу исправить их ошибку?

Чародейка ответила:

- Для этого тебе нужно будет пройти три испытания. Если пройдешь их, то я расколдую твоих братьев, а если нет, то и тебя превращу в камень!

Гульмох согласилась: что я должна сделать?

Первое испытание: Скачи отсюда к краю леса. Там ты увидишь дворец. В этом дворце живёт падишах. У него есть волшебный камень, который превращает метал в золото. Иди, укради его и принеси мне.

Гульмох вышла из дома чародейки и поскакала на край леса.

Вскоре она прискакала ко дворцу. Это был прекрасный дворец, его крыши, ворота и стены были сделаны из золота.

Гульмох одолевала сомнения. Она не хотела красть камень, но, с другой стороны, она хотела спасти своих братьев. Она решила добиться этого камня честным путем и постучалась в ворота. Слуги открыли ворота и проводили к падишаху. Гульмох поздоровалась с падишахом и рассказала о цели своего визита.

Падишах улыбнулся и сказал: что же, честность — это похвально. Я отдам волшебный камень только тому, кто сможет обыграть меня в игру в шахматы. Старшие братья еще с детства учили Гульмох игре в шахматы, и она была очень искусна в ней. Поэтому, она согласилась. Шах сказал:

- Тогда завтра на рассвете начнем, - и приказал слугам отвести гостью в покои. Наступило утро. Гульмох вышла из покоев и в сопровождении слуги направилась в зал. В зале собрались визири и

приближенные падишаха. Слуги принесли шахматную доску, и игра началась и продолжалась до самого вечера. Как ни старался падишах, но все-таки не смог обыграть Гульмох. Гульмох сделала ход конем и сказала: «Шах!». Падишах с досадой выговорил сквозь зубы: «Мат!».

Падишах был вынужден исполнить обещанное и отдать волшебный камень Гульмох. Гульмох обрадовалась и поскакала обратно к чародейке. Когда она вошла в дом к ней, чародейка улыбнулась и сказала:

- Молодец, Гульмох. Если бы ты украла камень, то не прошла бы испытание, потому что это было испытанием на честность.

А теперь слушай. Скачи на северную сторону леса. Там на опушке ты увидишь высокое дерево. Вот тебе веревка. Привяжи её и заберись на это дерево. На его верхушке ты увидишь большое гнездо. Это гнездо птицы Симург. Пока Симург на охоте, огромная змея подкрадется и убьет её птенцов, ты должна дождаться пока она не съест их и не уползет обратно. На дне гнезда есть золотая цепь. Принеси мне её.

Гульмох взяла веревку и поскакала на северную сторону леса. Подъехав к опушке, она увидела высокое дерево, а на его верхушке большое гнездо. Привязав веревку, она взобралась на дерево.

Птенцы птицы Симург увидев её радостно защебетали и начали играть с ней. В это время к гнезду начала подползать огромная змея. Гульмох стало жаль птенцов. Она взяла лук и стрелы и убила змею. Вскоре прилетела птица Симург и увидев убитую змею и здоровых птенцов, поблагодарила Гульмох за спасение её детей и отдала ей золотую цепь. Гульмох прискакала к чародейке и отдала ей золотую цепь.

Чародейка опять улыбнулась и сказала:

- Что ж Гульмох, ты прошла и второе испытание. Если бы ты позволила птенцам умереть, то тогда твои братья навечно остались бы каменными. Это было испытанием на доброту. Осталось последнее испытание. Если ты пройдешь и его, то тогда твои братья оживут, а если нет, то ты сама тоже превратишься в камень.

Скачи на западную сторону леса. Когда доберешься до его окраины, ты увидишь дворец. Это дворец зеркал. Там очень много комнат, но ты не заходи в них, а иди в самую большую залу, которая расположена на втором этаже дворца. Когда ты откроешь дверь залы, увидишь, что напротив стоит красивое зеркало. Это зеркало судеб. Возьми его и принеси мне.

Гульмох поскакала на западную сторону леса. Вскоре она увидела прекрасный дворец. Она

поднялась на второй этаж дворца, увидела красивые двери и открыла их. Вся зала была окружена зеркалами. Гульмох посмотрела в зеркало справа и не смогла узнать себя. Из зеркала смотрела прекрасная красавица. Зеркало заговорило: - Идем к нам, мы отведем тебя в волшебный мир, ты будешь там королевой. Посмотри, как ты прекрасна. Тебе так идут эти золотые наряды. Вдруг охотничья одежда Гульмох превратилась в прекрасное платье, расшитое золотом. На голове её появилась корона, на руках и шее золотые украшения с драгоценными камнями.

Все зеркала вокруг заговорила: ты прекрасна Гульмох. Иди в наш волшебный мир!

Гульмох чуть было не поддалась соблазну и не последовала в зазеркальный мир. Но потом вспомнила о братьях, взяла свой платок и завязала глаза, чтобы больше не смотреть в эти зеркала. С завязанными глазами она дошла к концу зала, взяла зеркало судеб и осторожно вышла оттуда. Голоса зеркал все твердили ей вслед: зря ты отказалась от такой роскоши, ты всё потеряла...

Гульмох развязала глаза, выбежала из дворца и поскакала обратно к чародейке.

Чародейка встретила её с улыбкой и сказала:

- Молодец, Гульмох! Ты справилась с самым сложным испытанием. Это было испытанием на преданность. Если бы ты променяла своих братьев на роскошь и золото и пошла в зазеркальный мир, то они навсегда остались бы каменными статуями.

В награду за твою честность, доброту и преданность я дарю тебе этот волшебный камень, который превращает метал в золото, а твоим братьям быстрых коней Иди к братьям. Гульмох поблагодарила чародейку и побежала в пещеру, её окаменевшие братья ожили и с радостью обняли свою сестру. При выходе из пещеры они увидели семерых коней в золотой сбруе. Радостные и счастливые они все вместе вернулись

домой.

Обрадованные мать и отец, увидев своих детей целыми и невредимыми, заплакали от счастья. Они обняли и расцеловали каждого сына и дочь. Так отважная, честная и преданная Гульмох смогла спасти своих братьев и обрести счастье и богатство. С тех пор они жили в гармонии и радости.

Семь братьев и одна сестра

Мораль сей сказки такова, что если есть у Вас сестра, то всем ремеслам и наукам её Вы обучайте. Ведь в жизни бывает всякое и если Ваша сестра будет такой же отважной, храброй, смелой и умной как Гульмох, то она поможет Вам и окажет поддержку в трудной ситуации. Семеро братьев обучили её не только таким навыкам как стрельбе из лука, езде на лошади и т.д., но и игре в шахматы. Именно благодаря этому, она смогла выполнить задание. Братья окружили сестру любовью и заботой, поэтому, когда зеркало предложило ей роскошь, золото и драгоценности, она проявила стойкость и выбрала спасение любимых братьев. Девушки способны на большие подвиги, но их необходимо поддерживать и обучать.

АФСОНАҶО

АФСОНАИ ДУХТИ ЧАСУР

Духтарам, афсонае бишнавази ман,
Ёдгоре аз ниёкони куҳан.

Зиндагӣ мекард шоҳе як замон,
Бо нақӯиву адолат дар ҷаҳон.

Дошт аз фарзанд танҳо духтаре,
Нозанину қошзебо муҳпаре.

Пир шуд шоҳу бигардид нотавагон,
Монд аз по, хира шуд чашмаш ҳамон.

Дӯсти деринаш омад аз варо,
Гуфт: -Шоҳо, дарди ту дорад даво.

Як табибе ҳаст бас донову пир,
Дору созад аз гиёҳон беназир.

Гар ба чашмонат гузорӣ он даво,
Нур ёбат чашмату ёбӣ шифо.

Шоҳ нолон гашт аз ҷону ҷигар,
Эй Худо, аз ҷӣ надодиям писар,

То равад бар ман биёрад он даво,
То шифо ёбам, шавам аз ғам раҳо.

Ин суҳанҳои падар духтар шунид,
Бар сари нанг омаду аз ҷо ҷаҳид.

Эй падар, Эзад надодат гар писар,
Ту мабош аз файзи духтар беҳабар.

Меравам ман аз пайи дармони ту,
Баъди моҳе мераҳонам ҷони ту.

Ҳар қадар, ки шоҳ роҳашро гирифт,
Пас нагашт аз роҳи худ духтар, шигифт.

Аспро баҳри сафар оростанд,
Роҳи беҳавфе ба духтар хостанд.

Медавонд асп ӯ шабу рӯз ончунон
То расад охир ба он мулку макон.

Як куҳан манзил баромад ногаҳон,
Ист духтар кард, ки гирад дам дар он.

Дид як кампири лоғар, дардманд,
Хуфта дар он хона бо ҳоли нажанд.

Кампир ӯро диду нолон гашт зуд:
-Мондаам аз дасту по, се рӯз шуд.

Духтарам, обам бидеҳ, нонам бидеҳ,
Бош бо ман, зӯру дармонам бидеҳ.

Духтар ўро об доду нон бидод,
Гӯиё аз нав ба чисмаш чон бидод.

Пиразан пурсидаш он гаҳ: духтарам,
Аз кучой, кистӣ, дорӣ чӣ ғам?

Розу асрорат зи ман пинҳон мадор,
Гӯ барои ман якояк ошкор.

Шоҳдухтар азми худро гуфту дод,
Гуфту аз дарди падар овард ёд.

Пиразан бар ў бигуфто: духтарам,
Бас хатарнок аст азмат, лоҷарам.

Тарсам аз он ки туро дар ин сафар,
Рӯ ба рӯ ояд базе хавфу хатар.

Он даворо он табиб он гаҳ диҳад,
Гар касе тухми дарахтонаш барад.

Тухмҳо дар дасти Деванд, эй шигифт,
В-ин амонатро аз ў натвон гирифт.

Дев хунхор асту бадчаҳл асту бад,
Низ хидматгор дорад беадад.

Тухмҳо дар зери болинаш ниҳон,
Кас нашуд пайдо, ки бар даст орад он.

Андар ин раҳ паҳлавоне бас зиёд,
Норасида бар ҳадаф чонаш бидод.

Девӣ бадкин тухмҳоро посбон,
Рӯзу шаб дурӣ намечӯяд аз он.

Шоҳдухтар 3-ин натарсиду бад-ӯ,
Гуфт: - Фаҳмидам аё, моми накӯ.

Дигаронро гар надод ин кор даст,
Шояд аз дасти ман ояд бешикаст.

Гар на чанговар манам, не паҳлавон,
Нестам бо гурзу бо теғу синон.

Як занам, нозуктабиат муштипар,
Нийяти некам ба ман орад зафар

Нотавон он кас ки дорад тарсу бим,
Балки бо ман ҳаст Раҳмони раҳим.

Ту маро аз печу хам огоҳ кун,
Озими ин нийяту ин роҳ кун.

Гуфт кампир: -Бод он соне ки бод!
Ин далерӣ бо ту бодо дар ниҳод!

Медиҳам ман роҳи он манзил нишон,
Чун расӣ бар мулки дев, он гаҳ бидон.

Чонварон бинӣ, ба хидмат одамон,
Бо ҳама мебош неку меҳрубон.

Хидмати эшон куну ёрӣ бидеҳ,
Ҳарчи дар дил аз вафо дорӣ, бидеҳ.

Баъд аз ин онон ҳама ёрат шаванд,
Дар раҳи мақсуд даркорат шаванд.

Чунки хидматгорҳову чонварон,
Монда зери ҷабру бас зулми гарон.

Дев ононро диҳад ҳар гаҳ ҷазо,
Дода таҳқиру басе озорҳо.

Чон ба лаб кайҳостанд аз ҷабри Дев,
Бемадору мустаманд аз ҷабри Дев.

Гуфт кампир, пас ба духти хушниход
Шонаву қайроқаку оина дод.

-Тухмҳоро чун ба даст орӣ, бидон,
Бо ҳама қувват гурез аз он макон.

Ҳарчи кампир гуфт ўро он замон
Шоҳдуҳар кард ичро бегумон.

Тохт духтар эй басо бо аспи худ,
Ногаҳон як хона аз дурӣ намуд.

Буд даргоҳи бузурге, дар дарун,
Љумла хизматгорҳо зору забун.

Наздик омад чун ба даргаҳ ногаҳон,
Ғарҷаси дарвоза бишнид он замон,

Бо нигоҳи ҳузангез ин садо
Омад аз дарвоза бар гӯшаш расо:

Дев равған менамолад бар танам,
Бин, чӣ сон зангидаву чӯлидаам.

Шоҳдуҳтар рӯ ба ин дарвоза кард,
Равғанаш молидаву покиза кард.

Дид сағҳо баставу дар тобу таф,
Пешашон хӯрок не,ғайр аз алаф.

Рӯ ба рӯ аспони баста ҷойи коҳ,
Гӯшт монда пешашон аз иштибоҳ.

Ҷумла ҷонварҳои дигар гушнаанд,
Хору зору интизору ташнаанд.

Ў алафҳоро ба пеши асп монд,
Устухон бигзошт дар пеши сагон.

Об доду ташнагешонро шикаст,
Рӯфту покиза бинмуду бубаст.

Дид хизматгорҳо онсӯтаранд,
Остинҳо барзада нон мепазанд.

Дастҳо урён ҳама бе дастбанд,
Дадашон месӯзад аз оташ нажанд.

Ҷумлагӣ ҳастанд беҳолу мадор,
Бо азоби дарду бо чашмони чор.

Зуд бадар овард ӯ камзӯли тан,
Духт дар як он аз он бас дастбанд.

То насӯзад дасташон бар духтарон,
Кард тақдим шоҳдухтар меҳрубон.

Рафт пушти ҳавлӣ дид бас деҳқон,
Деҳқонӣ карда он ҷо нимаҷон.

Ҷумла гашта гушнаву зору хароб,
Ҷумлагӣ аз ҷабри Дев андар азоб.

Ӯ ба онон обу нон оварду дод,
Меҳрубонӣ кард бо онон зиёд.

Деҳқонон ҷумла хурсанду ризо,
Ҷумла хидматгор бо дасти дуо,

Ҷамъ гардиданд андар гирди ӯ,
Аз кучой, кистӣ бо мо бигӯ!?

Шоҳдухтар мақсадашро гуфта дод,
Пеши онон розу асрораш кушод.

Кард хоҳиш то мададгораш шаванд,
Баҳри кори хайри ӯ ёраш шаванд.

Маслиҳат доданд хидматгорҳо:
-Дев чун ояд бар хона беибо,

Меҳурад хӯроку меафтад ба хоб,
Мешавад аз хурракаш олам хароб.

Ту даро бар ҷойи хобаш, шав ниҳон,
Кун назар бар хоби ӯ, инро бидон.

Гар ба хобаш карда ҳарду чашм во
Дон ки хобаш бурдааст, он гаҳ биё,

Тухмҳоро аз таҳи болин бубар,
Зудтар он гаҳ бишав аз дар бадар.

Лек агар пӯшида бинӣ чашми ӯ,
Ӯ на хоб асту амон аз хашми ӯ!

Духтари донову чолоку далер,
Шуд ниҳон дар хобгоҳи деви пир.

Изтиробаш дар замираш буд ниҳон,
Дев омад шоми бегаҳ ногаҳон.

Ин қадар бадрӯву безебу сиёҳ,
Бадсирашу бад ниҳоду баднигоҳ.

Хӯрд нону бар канизон зишт гуфт,
Пас ба ҷойи хоби худ рафту бихуфт.

Тухмҳоро, ки андар қуттӣ дошт,
Пеш аз ин дар зери болинаш гузошт.

Ночудо аз тухмҳо Деви бало,
Тухмро мебурд бо худ ҳар кучо.

Хона ларзон гашт аз хурроки ӯ,
Шоҳдухтар ҳарду чашмонаш бар-ӯ.

Дид чашми Дев чун пӯшида буд,
Фаҳмид ӯ бедор, хобаш вонамуд.

Сабр карду боз ҳам тоқат намуд,
Дид ногаҳ, дев чашмонаш кушуд.

Яъне хобаш бурд... Ӯ фавран расид,
Қутиро бигрифт мустаҳкам қапид.

Ӯ давон омад, бишуд бар зин савор,
Аспро тозонд то ҷон дар виқор.

Дев чун бархест доду наъра зад,
-Дуздро доред! - мечуст ӯ мадад.

Лек ин дам чумла хидматгорҳо,
Хешро карданд аз ҳукмаш раҳо.

Чунки ӯ некӣ ба моён карда буд,
Дастбандон дӯхт бар мо ҳар намуд.

Дев хашмин гашаву мезад садо,
Сӯи деҳқонон, ки доред дуздро

Лек аз онон бишнид ин арзу нидо,
Сар ба фармонат намеорем мо.

Чунки шахдухар ба мо нон доду об,
Чун ба зидди ӯ бихезем, ку савоб?

Дев хашминтар ба фарёду фиғон,
Рӯй бар аспонаш биоварду сагон:

Дуздро доред, тозед аз пасаш,
Боз гиред он амонат аз кафаш.

Дар ҷавобаш ҷонварони неkhӯ:
-Чун бар он некӣ бадӣ орем, гӯ?

Дев зад фарёд аз ҷону чигар,
Ҷониби дарвозаву девору дар.

Боз доредаш, намонед ӯ равад,
Тухмҳоро оқибат бо худ барад.

Аз дару девор ин омад садо,
Мо надоремаш, ки буд ғамхори мо.

Дев акнун дид, илочу чора нест,
Худ пайи таъқиби ӯ аз ҷо бихест.

Аз паси духтар ба сад нерӯ давид,
Анқариб омад,ки бар ӯ мерасид.

Войи духтар гар раад бар дасти Дев,
Чун шавад аҳволи ин духти Хидев.

Ёди духтар шонаи кампир расид,
Шонаро партофт, як ҷангал дамид.

Дев пушти ҷангали анбӯҳ монд,
Лек боз аз нав бар ӯ худро расонд.

Оҳ духтар мефидад бар ҷанги ӯ,
Войи духтар войи ору нанги ӯ.

Духти шаҳ қайроқи кампирдодаро,
Сӯи Дев афканд ӯро пеши по.

Руст аз қайроқ як кӯҳи бузург,
Меҳазад бар кӯҳ Дев амсоли гург.

Соате бигзашту аз кӯҳ ӯ гузашт,
Анкариб аз пуши ӯ омад ба дашт.

Он гаҳаш духтар фиканд оинаро
Дар пасаш дарё баромад то само.

Хешро зад Дев бар амвоҷи мавҷ,
Дасту по мезад ба поину ба авҷ.

Лек дарёро накард асло убур,
Шуд халос аз дасти ӯ духти сабур.

Боз се рӯзи дигар духти далер,
Ронд аспу дошт бовар дар замир.

Дур буд арчанд, ки роҳи табиб,
Оқибат омад ба даргоҳи табиб.

Бурданаш бишонданаш дар пеши хон,
Сокинони хона ӯро меҳрубон.

Бар табиб ӯ сачдаҳо карду нишаст,
Баъд гуфташ ҳар чи ӯро дар дил аст.

Омадам ман баҳри дармони падар,
Эй табиби номдори баҳру бар.

Гарчи ӯ шоҳ аст, нобино бувад,
Бастаи дарду ғами дунё бувад.

Гуфт дар посух табиб инро бидон,
Медиҳам дармонат, аммо ҷойи он

Тухмҳоро, рав, зи Деви дад ситон,
Андар ин раҳ шуд фано сад паҳлавон.

Тухмҳо дар дасти деванду бар он,
Деви бадгил монда садҳо посбон.

Гуфт духтар бар табиби неххӯ,
Тухмҳоро ман ситонидам аз ӯ.

Шуд зи ҳайрат лол дар посух табиб,
Офаринат бод эй духти ҳабиб.

Чун тавонистӣ, ки тухмон оварӣ,
Мекунам дармон кунун бо боварӣ.

Дардмандонро шифо бахшам кунун,
Дардҳоро карда бо онон забун.

Тухмҳо корем акнун дар замин,
Чангале бунёд гардад нозанин.

Тухм киштан бар ту омӯзам кунун,
То шавад аз кишти мо чангал фузун.

Шохдухтарро сипас таълим дод,
Шохдухтар буд аз ин таълим шод.

Бо табиб ӯ тухмҳо корид бас,
Баъд бинмуд азми роҳи бозпас.

Бо бaсе ҳурмат табиб кардаш гусел,
Дод дармони падар бар ӯ зи дил.

Асп метозонд духтар рӯзу шаб,
То ба даргоҳи падар орад тараб.

Духтар омад базму шодӣ шуд бапо,
Шуд падар аз ранҷу кулфатҳо раҳо.

Саргузашташро ба муштоқон бигуфт,
Шоҳ нақли ӯ ба сад шавқе шунуфт.

Чун шифо гардид шоҳу хест боз,
Буд бо шахдухтари худ сарфароз.

Баъди шоҳ ӯ шишт бар тахти падар,
Шоҳи неке буд андар баҳру бар.

Афсонаи духти часур

Хулоса аз ин афсона он аст, ки агар Худованд ба ту писар ато нафармояд, наранҷ. Зеро духтарон дар часурӣ, меҳрубонӣ, ғамхорӣ ва парастории волидайн аз писарон ҳеҷ камӣ надоранд. Ҳам писар ва ҳам духтар доди Парвардигор аст. Барои духатрон шукр карда, ба онҳо ҳама ҳунаrho, маърифату касб омӯзондан лозим аст.

НАХЧИРИ АФСУНГАР (Илҳом аз афсонаи халқӣ)

Буд набуд, як марду зан буд. Онҳо дар кӯҳистон истиқомат мекарданд. Кулбаи онҳо дар оғӯши боғе қарор дошт. Ин боғро худашон бунёд карда буданд ва нигоҳубини боғ ягона машғулияти дилхушиашон буд.

Як рӯз марду зан соҳиби писар шуданд. Шодию хурсандиашонро ҳадду канор набуд. Онҳо ба кӯдак Сафар ном доданд. Сафар нури чашму қуввати дилашон шуд, якҷоя заҳмат кашида, кӯдакро баробар ба воя мерасонданд.

Як рӯз зан бемор шуд. Вай дар бистар хоб буду ғами имрӯзу фардои писарашро меҳӯрд.

– Агар аз ин дунё рафта монам, ту писари яккаву ягонаамонро наранҷон, зинҳор азобу азият набинад, ғамхору меҳрубон бош, – мегуфт ҳар замон ба шавҳараш.

Чанд рӯз гузашту зан тарки дунё кард...

Баъди ғӯру чӯби зан он мард дубора зан гирифт. Вай васияти модари Сафарро фаромӯш накарда, ба хона як зан овард, ки писаре дошт. Номи писараш Зафар ва Зафар аз Сафар калонтар буд.

Модари Зафарро Насиба мегуфтанд. Насиба ба хонаи пирамард омада, як шарт гузошт, гуфт, ки Зафару Сафарро фарзанди ману фарзанди ту нагуфта, калон мекунем. Мард розӣ шуд. Насиба зани меҳрубон буда, Сафарро мисли фарзанди худаш қабул карду дӯст дошт. Вай ҳар субҳ писаронашро аз хоб бедор карда,

дастархон кушода, нозу неъмат оварда меҳӯронд ва як пора гӯшту паниру ду нонро дар рӯймолак баста, ба дасташон супурда, подабонӣ мефиристонд. Зафару Сафар ҳам бародар шуданд ва ҳар кор, ки пеш ояд, баробар дасту остин барзада, анҷом медоданд.

Аммо боре ба сари мардуми кӯҳистон мусибат омад: як махлуқи номаълум пайдо шуда, ба одамону чорвояшон зарар овард. Пиру барно ба тарсу даҳшат афтода хонашин шуд. Вале Сафару Зафар баръакс, ҳамон махлуқро пайдо карда, куштан хостанд. Албатта, модар розӣ нашуд. Он гоҳ бачаҳо гуфтанд:

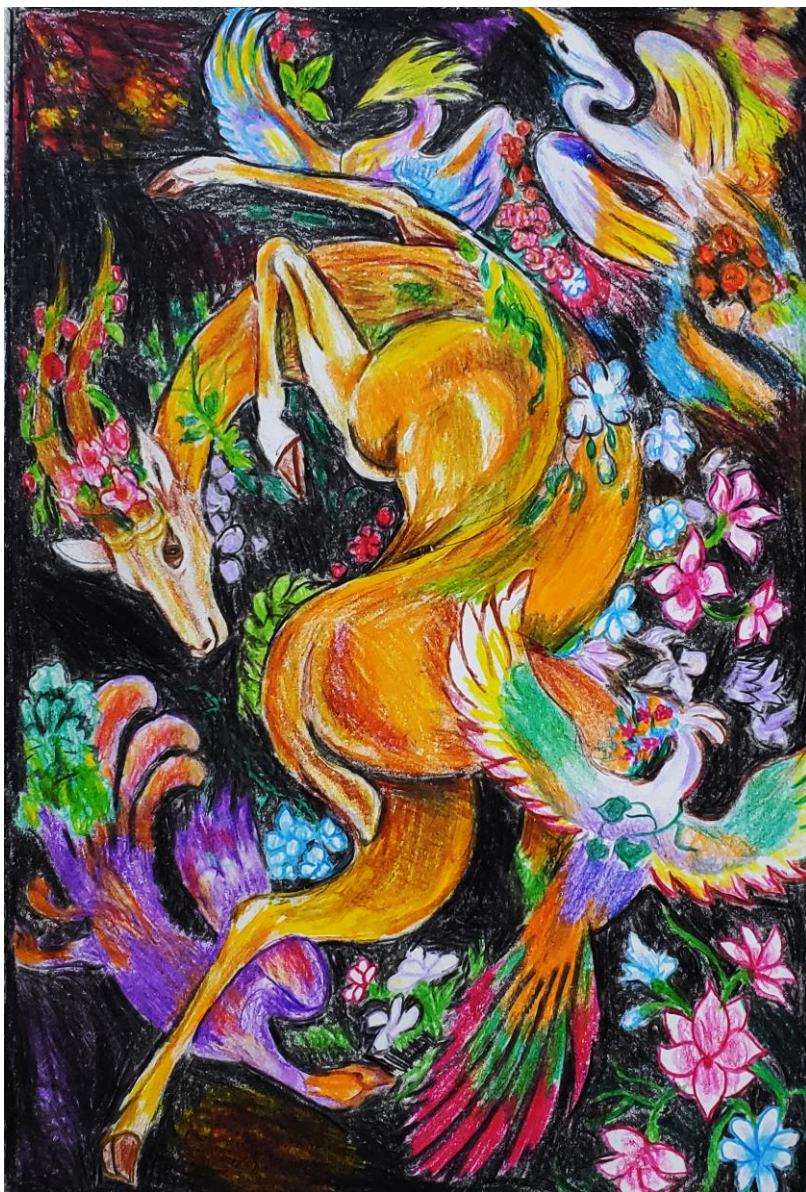
– Падари азизу модари меҳрубон, ҳамсоия оҳангарамон барои мо шамшеру сипар сохта медиҳад. Шумо розӣ шаведу дуо диҳед, ки рафта, ин бадбахтро нобуд кунем.

Насиба гиря оғоз кард, вай саҳт хавотир буд, ки мабодо ба фарзандони азизаш зарар нарасад.

Ин лаҳза ба ҳавлӣ як нахчир даромад. Лекин ин нахчир ба он нахчирҳо, ки онҳо пеш дида буданд, монанд набуд, аз ин ҳайвони пармашохи кӯҳӣ нуре маҳин ба атроф мерехт!

Ҳама берун давиданд. Аҷиб, ки нахчир мисли ҳамчинсонаш рамандаю гурезпо набудааст. Вай натарсида ба одамон наздик шуд ва бо овози одамӣ гуфт:

– Ман руҳи модари Сафарам. Насиба, ту писари маро хуб ба воя расондӣ, ранҷу озор надодӣ, ман аз ту розӣ. Натарс, розӣ шав, ки бачаҳо ба ҷанги зидди махлуқи бадҳайбат раванд. Ин бадбахтро фақат Сафару Зафар нобуд карда метавонанд. Ман бачаҳоро роҳбаладу ниғаҳбон хоҳам шуд.

Насибаю шавҳараш аз ин гап ангушти ҳайрат газиданд, вале
ҳамон замон розӣ шуданд, ки бачаҳо шамшеру сипар
гирифта, ба кӯхсор раванд.

Сафару Зафар тӯшаи роҳу дуои падару модар гирифта, ҳамон замон ба роҳ баромаданд. Нахчири афсунгар пешопеши онҳо рафт...

Акнун мо ба дарбори подшоҳ назар меандозем: ку бинем, он ҷо чӣ гап аст?

Подшоҳ меҳост лашкари бешумораширо алорағми махлуки бадҳайбати номаълум роҳбалад шавад, вале наметавонист, чунки пари ғартут шуда буд. Вай вазиронаширо даъват карда, маслиҳат пурсид. Ин лаҳза ба назди онҳо ду духтари подшоҳ Садбаргу Ёсуман даромаданд. Духтарҳо ба падар наздик омада, таъзим карда гуфтанд:

– Падари азиз, мо омадем, ки иҷозат пурсем.

– Барои кадом кор? – пурсид подшоҳ.

– Барои рафтан ба ҷанги зидди махлуки бадҳайбати номаълум.

Подшоҳ ҳайрон монд. Садбарг гуфт:

– Падар, ту моро ба воя расондӣ, илму амал омӯзондӣ. Ҳоло мо камонвару ҷовандозем, дар шамшерзанӣ аз ҷавонмардон кам нестем.

Аҳли маҷлис моту мабхут монданд. Подшоҳ медонист, ки духтаронаш на танҳо ҷасуру бебок, якрав ҳам ҳастанд. Агар ӯ иҷозат надихад, Садбаргу Ёсуман гурехта мераванд. Онҳо тамоман ба модарашон рафтаанд: як замон, вақте ки духтарҳо хурд буданд, модарашон онҳоро ба шикор бурд. Аҷаб зани далеру нотарс буд ӯ! Аммо чӣ шуду дар беша ғайб зад. Подшоҳу хидматгору аскаронаш хеле чустанд,

вале пайдо накарданд. Дурудароз мотам гирифт подшоҳ... Акнун Садбаргу Ёсуман ёдгоре аз он зани шучоъ ва боиси тасаллою хушнудии ӯ буданд. Аз ин сабаб душвор буд ба вай розӣ шудан, то ду духтари нозанин ба ҷанги зидди аждаҳо раванд.

Бо вучуди ин, подшоҳ ба ҷасорату фаросати духтаронаш бовар дошт: дар ин набард онҳо дастболо хоҳанд шуд. Вай ин хел андеша карду ба сипоҳсолораш гуфт:

– Ту духтарони маро амак ҳастӣ, ҳамроҳи онҳо бош, пушту паноҳашон шав. Аскар бигиру ҳамроҳи ду нури дидаи ман рав ва мисли ду дидаи худат ҳифз намо. Дилам гувоҳӣ медиҳад, Садбаргу Ёсуман ба мурод мерасанд.

Сипоҳсолор хуб гуфту даст пеши бар гирифт, таъзим кард ва субҳидам ҳама ба роҳ баромаданд...

Чанд рӯз гузашт. Сафару Зафар кӯху пуштаҳоро паси сар карда, тарафи бегоҳ ба як дара расиданд. Дар ин дара аскари бисёре барои шабгузаронӣ қарор гирифта буд. Нахчири Афсунгар ба бародарон гуфт:

– Ба ин лашкар шарик шавед, аммо дар бораи ман даҳон накушоед.

Чун Сафару Зафар ба аскарон наздик шуданд, чанд нафар ба истиқболашон баромад. Яке пурсид:

– Шумо кучо меравед?

– Дар ин маҳал як махлуқи бадҳайбат пайдо шудааст. Барои куштаниаш меравем.

Бародаронро ба назди сипоҳсолор оварданд. Сипоҳсолор дар хаймае нишаста буд. Ин ҷо ду духтари подшоҳ низ ҳузур доштанд. Бародарон либосу аслиҳаи ҷангии онҳоро дида, ҳайрон монданд.

Сипоҳсолор мақсади бародаронро фаҳмида, хурсанд шуд ва пешниҳод кард, ки ба лашкари ӯ ҳамроҳ шаванд.

– Субҳидам мо ба роҳ мебароем, ба ҷойи зисти махлуқи бадҳайбат мерасем. Шумо зӯри бозу ва ҳунари худро нишон хоҳед дод.

Ҳамин тавр, Сафару Зафар ба лашкар пайваста, хӯрок хӯрда, хоб карданд. Вале дар хаймаи сипоҳсолор ду духтари нозанину шучоъ дида, хоб аз чашмонашон pariда буд.

Ногоҳ ба хаймаи онҳо Нахчири Афсунгар даромад.

– Хезед бародарон, – гуфт вай. – Аз паси ман биёед.

Бародарон чизе нагуфта, аз паси Нахчир равон шуданд. Нахчир онҳоро ба канори ҷангал бурду дар паноҳи арчазор гузошт ва фармуд, ки нафас накашида, ба атроф нигоҳ карда нишинанд.

Ширмаҳтоб буд. Аз ин ҷо лашкаргоҳ чун дар кафи даст менамуд. Баноҳост сипоҳсолор аз хаймааш берун ва ҷонибе равон шуд. Аз паси ӯ ду духтари подшоҳ ҳам баромада, охиставу боэҳтиёт ба ҳамон тараф қадам заданд, ки сипоҳсолор мерафт. Ҳар ду либосу аслиҳаи ҷангӣ доштанд. Сипоҳсолор аз ин кори духтарҳо хабар надошт, ки ҷӣ садое шуниду бозистод ва ақиб нигоҳ кард.

Нахчири Афсунгар пойи чапашро охиста ба замин кӯфт ва миёни сипоҳсолору духтарони подшоҳ пардае афтод. Сипоҳсолор духтаронро надид, хотирчамъ шуда роҳашро давом дод. Он гоҳ Нахчири Афсунгар пойи росташро ба замин кӯфт ва духтарон ба тарафи ӯ қадам заданд. Лаҳзае пас онҳо дар рӯ ба рӯи худ Сафару Зафарро дида, хурсанд шуданд. Бародарон бо имову ишора фаҳмонданд, ки духтарҳо овоз набароварда, ба он ҷониб, ки сипоҳсолор рафтааст, нигоҳ карда нишинанд.

Ва ногоҳ нохушӣ рӯй дод. Як зоғи баднамуд парида омад. Вай дар болои сари сипоҳсолор се маротиба давр зад ва ба замин нишасту сурати марди сиёҳпӯши ҷодугар гирифт.

– Сипоҳсолор, – гуфт Ҷодугари Сияҳпӯш, – боз ҷӣ қадар вақт даркор, ки ту соҳиби тахту тоҷ шавӣ?

– Кам монд, – ҷавоб дод сипоҳсолор. – Ба махлуки бадҳайбатат бигӯ, ки духтарони подшоҳро кушад. Подшоҳ аз ғаму дард дарҳол мемирад. Вай пиру ғартут аст. Фақат

баъди ин ҳама гапу кор ман ба тахт нишаста, соҳиби мамлакат мешавам.

– Ҳммм, – мад кашид Ҷодугари Сияҳпӯш. – Нағз! Баъд махлуки бадҳайбатро ҳам мекушӣ, аз духтарони подшоҳ ҳам халос мешавӣ ва ба тахт менишинӣ. Ман ба ивази ин қадар хизмату заҳмат чӣ мегирам?

– Ҳар чӣ хоҳӣ, мегири!

– Хуб, ба тахт нишастӣ, «Китоби Ҷоду» ва ангуштарини подшоҳро аз хазина гирифта, ба дасти ман месупурӣ.

– Ҳамаро ба ту мебахшам, фақат коре бояд кард, ки Садбаргу Ёсуман кушта шаванду подшоҳӣ насибам гардад.

Ҷодугари Сияҳпӯш гуфт:

– Субҳидам лашкарро ба қанори дара бубар. Духтарҳоро гирифта, ба дарунтари қангал даро. Махлуки бадҳайбати ман онҳоро пора-пора мекунад.

Ҷодугари Сияҳпӯш инро гуфта, ба дасти сипоҳсолор халтачае доду фармуд:

– Ин хок аст, ба атроф пош деҳ. Махлуки бадҳайбат ба хоби абадӣ меравад. Доништа бош, ки махлуки бадҳайбати худро ба хотири ту нобуд мекунам. Агар фиреб додӣ, гиламанд нашав!

Сипоҳсолор даст пеши бар гирифта, ба Ҷодугари Сияҳпӯш таъзим кард ва ба хаймаи худ рафт.

Садбаргу Ёсуман ва Сафару Зафар хиёнаткор будани сипоҳсолорро фаҳмида, ангушти ҳайрат газиданд. Акнун фурсати кашол додани кор набуд.

Нахчири Афсунгар гуфт:

– Садбаргу Ёсуман, ёд доред, пеш аз сафар падаратон ба шумо чӣ дода буд?

Садбарг ба Нахчири Афсунгар ангуштарине нишон дод, Ёсуман аз чайбаш китоби кӯҳнае берун овард.

– Падари мо гуфт, ки ин китобу ангуштарин ниғаҳдори мо мешаванд.

Нахчири Афсунгар гуфт:

– Ин «Китоби Сеҳр» аст ва ин ангуштарин фармондеҳи арвоҳ! Ҷодугари Сияҳпӯш китобу ангуштаринро гирифта, ҳукмрони олам шуданист. Ягон савол дода, китобро кушо. Ба саволат дарҳол ҷавоб пайдо мешавад.

Ёсуман ба китоб савол дод: «Махлуқи бадҳайбатро чӣ хел нобуд кардан мумкин аст?» «Китоби Сеҳр» боз ва дар саҳифае чунин ҷавоб пайдо шуд:

«Ангуштарӣ бикун ба ангушт,

Аммо фақат ба рост, не чап.

Он гоҳ бирав, бикун чӣ хоҳӣ,

Он гоҳ бирав, бигӯй ҳар гап!

Ҳар чор силоҳ баргирифта,

Як тан пешу пеш раветон.

Чанд ҷоду шикастан осон,

Гар чор нафар як шаветон!»

Нахчири Афсунгар гуфт:

– Ҳамин дастур роҳнамои шумо мешавад. Ангуштаринро ба дасти рост карда, муттаҳиду яктан шуда равед, ба мурод мерасед. Ман ҳам бо шумоям!

Сафару Зафар ва Садбаргу Ёсуман қавл доданд, ки аз амру фармони «Китоби Сехр» ва Нахчири Афсунгар берун нахоҳанд шуд.

Субҳ дамид. Сипоҳсолор амр кард, ки лашкар ба роҳ барояд. Баъди як соат лашкар ба канори дара расид. Сипоҳсолор лашкарро боздошт ва Садбаргу Ёсуманро гирифта, ба даруни ҷангал рафт.

Сафару Зафар пинҳонӣ аз паси онҳо рафтанд. Баноҳост аз паси дарахтон як махлуқи даҳшатнок намудор шуд, ки аз даҳонаш оташ мерехт. Вай оташи худро ҷониби духтарҳо равона кардан хост. Садбарг дарҳол ангуштаринро ба яке аз ангуштони дасти росташ кард ва сипарро муқобил гузошт. Дами оташ ба сипар расиду хомӯш шуд.

Ёсуман дар гардани махлуқ занчире дид, дар ин занчир оҳанаки овеzon буд ва ҷӣ нақше дошт. Вай фаҳмид, ки ин тилисм аст ва дарҳол ба Сафару Зафар ишора кард. Ду хоҳару ду бародар шамшер кашида, ба махлуқ дарафтода, ба он тилисм баробар зарба заданд. Нохост садое мисли тундар ба гӯш расид, махлуқ ғайб зад ва дар ҷойи истодаи ӯ зане намудор гашт.

Сипоҳсолор ин хел ранг гирифтани ҳодисаро чашмдор набуд. Вай девонавор ба Садбаргу Ёсуману Сафару Зафар ҳамлавар шуд. Аммо чаҳор тани шучоъ зарбаи ўро баргардонида, якбора чаҳор зарбаи ғайричашмдошт заданд. Сипоҳсолор афтид. Ин вақт зоғи сиёҳ дубора пайдо шуд, болои сари диловарон давр задан гирифт. Садбаргу Ёсуману Сафару Зафар камон гирифта, ба зоғ чаҳор тир заданд. Зоғ оташ гирифт, ба замин афтид ва аз вай як мушт хокистар боқӣ монд.

Нахчири Афсунгар ба назди зане рафт, ки навакак падид омада буд. Нахчир гуфт:

– Ин зани подшоҳ аст, ки чанд сол қабл гум шудааст. Дар вақти шикор сипоҳсолор ўро фиреб карда, ба ихтиёри Ҷодугари Сиёҳпӯш супурда буд. Ҷодугар ўро ба махлуки бадҳайбат табдил дода, ба манфиати худ истифода мебурд. Ин зан ҳамеша маҷбур буд, ки амру фармони Ҷодугарро иҷро кунад. Шумо, писарону духтарони шучоъ, пардаи ҷодуро дарида, тилимро шикаста, ҳамаро наҷот додед. Тилимро танҳо зарбаи чаҳор шамшери чаҳор баҳодури оташқалб шикаста метавонист!

Садбаргу Ёсуман фаҳмиданд, ки модари худро наҷот додаанд ва аз шодӣ гул-гул шукуфтанд.

Ҳама ба лашкаргоҳ баргаштанд ва музаффару сарбаланд ба қасри подшоҳ расиданд. Подшоҳи бемор ҳамсари гумгашта ва духтаронашро сиҳату саломат дида, аз бистар барҳест ва аҳволаш беҳ шуд. Он гоҳ Садбаргу Ёсуман воқеаро батафсил нақл карданд.

Подшоҳ ба Сафару Зафар офарин хонд ва тӯҳфаҳо пешкаш кард. Дар ин дақиқа модари духтарҳо мавридро муносиб ёфта, ба гӯши подшоҳ пичиррос зад:

– Ин ду чавон баҳодури ҳақиқианд. Агар розӣ бошӣ, ба домодӣ қабул намо.

Подшоҳ гуфт:

– Ман розиам, фақат ризоияти Садбаргу Ёсуман лозим аст, – ва ба духтаронаш рӯ оварда гуфт: – Шумо розӣ ҳастед, ки арӯси Сафару Зафар бошед?

Албатта, Садбаргу Ёсуман розӣ шуданд! Охир, ин ду чавонмард ба духтарон ёрӣ доданд, ки макру ҳилаи сипоҳсолор ошкору занчири тилисми гардани маклуки бадҳайбат шикаста шавад.

Ҳамон рӯз Сафару Зафар падару модари худро ба қасри подшоҳ оварданд. Подшоҳ ҳафт шабу ҳафт рӯз тӯй дод. Садбарг арӯси Сафар шуду Ёсуман арӯси Зафар. Ҳамин тавр, ҳама ба муроду мақсади худ расиданд, шумо ҳам расед!

Воқеан, Нахчири Афсунгар баъди воқеа ногаҳон ғайб зад. Ёро ҳарчанд ҷустанд, пайдо накарданд. Аммо некиҳои ёро касе фаромуш накард, мо ҳам фаромӯш намекунем.

Нахчири афсунгар

Хонандаи азиз, Насиба барои Сафари аз модар ятим монда, модар шуд. Дар натиҷаи он, ки падари Сафар ва Насиба Сафару Зафарро фарзади ману фарзанди ту нагуфта, бо муҳаббат ҳар дуи онҳоро калон карданд, дар оилаи онҳо ҳамдигарфаҳмӣ ва самимият ҳукмфармо гашт. Нахчири афсунгар онҳоро дастгирӣ кард ва ба туфайли часурӣ ва ақлу фаросати Садбаргу Ёсуман, Сафар ва Зафар онҳо сирру асрори Сипоҳсолорро ошкор карда тавонистанд. Духтарони шучоъ модари худро наҷот дода тавонистанд. Подшоҳ ба духтаронаш камонварӣ, аспдавонӣ ва дигар малакаҳоро омӯзонда буд, ки онҳо барои паси сар кардани душворихо ба духтарон ёрӣ расониданд. Умедворам, ки Шумо ҳам дар илму донишомӯзӣ саъйю кӯшиш мекунед ва ба хоҳарони худ варзиш, ронандагӣ ва дигар ҳунарҳоро меомӯзонед.

ЭРАЧ ВА ГУРДОФАРИД

(Илҳом аз афсонаи халқӣ)

Дар як замон, дар як макон, сангтароше буд. Номаш – Сафар, барои осӣёбу сутуни касру девори хонаҳо санг метарошид.

Як сол ба сари мардум мусибат омад: аз кучое як гурӯҳ махлуки девсурат пайдо шуда, ба мамлакат ҳучум кард. Нимаи тани он махлукҳо одам буду нимаи дигарашон – ҳайвон. Сангтарош шамшеру сипар гирифта, ба сафи ҷавонмардони лашкари подшоҳ қарор гирифт ва ба майдони набард рафт.

Ҳарбу зарб хеле тӯл кашид, як рӯз лашкари подшоҳ ғолиб меомад рӯзи дигар махлукҳои бадсурат. Дар як набард сангтарош миёни чанд дев монд ва сардори душман гурзе ба китфи сангтарош зад. Сангтарош беҳуш шуда, асир афтод.

Чанд сол аз Сафар хату хабар набуд. Писари сесолааш Эрач ва духтари яксолааш Гурдофаридро модар ба воя мерасонд. Ҳар дукӯдаки хушзеҳну ҷасур буданд. Чун модар онҳоро ба мактаб бурд, аз дигарон барвақт хату савод бароварда, ангуштнамо шуданд ва ба дилу дидаи омӯзгорн чой гирифтанд. Эрач боз аспасаворӣ омӯхту камонкашӣ машқ кард, ин ду хунарро ба Гурдофарида ҳам ёд дод. Вай ба хоҳару модараш ҳамеша дилсӯзу меҳрубону дастёр буд.

Як сол, ҳангоми ҷашни Наврӯз, мардум либоси идона ба бар карда, ба майдони беруни деҳа рафтанд. Ин ҷо мусобиқаи аспдавонию тӯббозӣ доир гашт. Ҳар паҳлавону ҷовандоз хунари худро нишон додан меҳост,

мутрибону ҳофизону ширинкорон табъи ҳозиронро хуш мекарданд.

Эрачу Гурдофарид ҳам дар қатори дигарон шоду хуррам буданд. Дар ҳар бозию сабқат ширкат варзанд. Гурдофарид чавгонбози беҳамто буданаширо нишон дод, вай ҳатто аспсавор чавгон зада, ҳамаро мафтун кард. Ҳар гоҳ ба дарвозаи ҳариф гӯй мезад, тамошобинон ба по хеста, дурудароз каф кӯфта, офарин меҳонданд.

Рӯзи сеюми ҷашни Наврӯз ба майдон паҳлавонони музофот баромаданд. Эрач ҳамроҳи ҷӯрахояш ҳозир шуд. Аз чор тараф садои карнай, сурнай ва нақора ба гӯш мерасиду гӯши фалакро кар мекард.

Мутаассифона, паҳлавонони ҳамдеҳаи Эрач дар гӯштин мағлуб шуданд. Он гоҳ Эрач ба майдон қадам гузошт. Як паҳлавон, ки дар мобайн истода, ҳариф мечуст, дар баробари худ навраси понздаҳсоларо дида, назараш нагирифт. Вай гуфт:

– Ту ҳоло кӯдакӣ, рав, ҳамроҳи кӯдакон бозӣ карда гард!

Ин гап ба иззати нафси Эрач саҳт расид. Вай фарёд зад:

– Ман кӯдакам ё нестам, кори шумо чӣ?! Майдон аз далер аст!

Эрач инро гуфта, аз дасти ҳарифаш гирифтун тарафи худ кашид. Ҳариф давида аз Эрач чанд қадам ақиб гузашт. Паҳлавон фаҳмид, ки ин бача паҳлавони ҳақиқист ва мусобиқа кашол хоҳад ёфт. Вай ба Эрач дарафтод. Аммо Эрач ба гиребони ӯ панча заду пеш кашид, ҳам шуд ва ҷуссаи ҳарифро аз болои сар ба як тарафи майдон ҳаво дод.

Аз ҳар тараф нидои шодии тамошобинон ва садои карнаю сурнай баланд шуд.

Бегоҳ, пеш аз анчоми чашн, одамон, аз ҷумла, пирони деҳа Эрачу хоҳарашро муборакбод карда, гуфтанд:

– Раҳмати Худо бод бар падари шумо! Ҳар ду мисли падар баҳодур ҳастед!

Эрачу Гурдофарид ба унвони падар таҳсину офарин шунида, ба андеша рафтанд. Авзояшон тағйир ёфт, дар чехраашон аз хурсандӣ осоре намонд, нигоҳи чашмони зебояшон ҳузнангез шуд ва ба хона ошуфтаҳол баргаштанд.

Модар фарзандонашро хушу хуррам пешвоз гирифт, аммо Эрачу Гурдофарид ба хона даромада, дар кунҷе маҳзуну хомӯш ништаанд. Модари зирак дарҳол пай бурд, ки чӣ ҳодисае рӯй додааст, ғаму алами бачаҳоро ягон сабабӣ чиддӣ ҳаст ва дар ҳолате ки чашмонаш пуроб мешуд, онҳоро ба оғӯш гирифтӣ гуфт:

– Ширинакони ман, дар ин рӯзи хубу хуш чаро ҳама хурсандӣ мекунанду шумо ғамгину парешонҳол омадед?

– Модарҷон, – гуфт Эрач, – агар ту ҳам имрӯз дар бозигоҳ мебудӣ ва медиديو мешунидӣ, ки он ҷо чӣ гапу кор шуд, аз мо зиёдтар ғамгин мешудӣ.

– Чӣ ҳодиса шуд? – пурсид модар ва илтиҷо кард: – Ҳамаашро бигӯед?

Эрач буду шуди ҳодисаро нақл кард. Модар нақли ӯро то охир шунида, саҳт ғамгин шуд ва ночор монда, ба Эрачу Гурдофарид вобаста ба падарашон асли воқеаро гуфт:

– Азизакони модар, падари шумо одами баобру, сангтароши машхур буд. Як рӯз ба кишвари мо махлуқҳои бадхайбат ҳамла карданд. Дар қатори дигарон падари шумо ҳам ба набардгоҳ рафт. Ҳафтаи аввали ҷанг аз вай хабарҳои хуш расиданд, меғуфтанд, ки дар сафи аввали набард асту мардонавор меҷангад. Баъд дигар хату хабар нагирифтем, ҳар каси аз майдон баргашта меғуфт, ки падари шуморо махлуқҳои бадниёту бераҳм асир гирифтанд. Чашмони он махлуқҳои мисли шоҳкоса калон, каллашон мисли каллаи гову даҳонашон мисли мисли ғор калон будааст, гӯшдарозанду бинипаҳн, аз сӯрохи биниашон гӯё оташ мерехтааст. Фарзанди одам ба дасташон афтад, ҷон ба саломат намебурдааст. Ин махлуқҳо, ки душмани сулҳу озоишанд, дар қадом ҷазирае истиқомат мекардаанд. Баъзан тарки ҷазира карда, ба шаҳру деҳот ҳамлавар шуда, ғорат карда, кушта, чизу чораи мардумро ба яғмо мебурдаанд.

Ин қиссаро шунида, Эраҷу Гурдофарид тасаввур намуданд, ки падари баргаштабахташон дар асорат ҷӣ азобу уқубат ба сар мебарад. Тамоми шаб онҳоро хоб набурд ва ҳар гоҳ як лаҳза ғанабашон мебурд, хобҳои даҳшатнок дида бедор мешуданд. Дар хоб гоҳо ба махлуқҳои бадсурат дармеафтоданд, гоҳо ба ғоре даромада, раҳгум мезаданд, гоҳ ба сари кӯҳ боло мешуданд...

Субҳи барвакт Эрачу Гурдофарид ба қароре омаданд, ки барои ҳалос кардани падар хоҳанд рафт. Онҳо шамшеру сипару тиру камон гирифта, назди модар рафтанд.

– Модар, – гуфтанд ар ду, – мо меравем!

Модар пиндошт, ки Эрачу Гурдофарид ба шикор мераванд. Вай оромона гуфт:

– Роҳатон сафед боду, шикоратон барор гирад! Сарбаланду муваффақ баргаштанатонро хоҳонам!

Эрачу Гурдофарид табассум карданд, дастони модарро бўсида, ба асп савор шуда, ҷониби биёбон роҳ гирифтанд.

Дар биёбони тафсон чанд шабу рӯз роҳ паймуда, ба канори як пуштаи сабзу хуррам расиданд ва азбаски хаста шуда буданд, аз аспҳо пиёда шуда, зери дарахт ва канори ҷӯйбораке нишастанд.

Ҳамон замон Эраҷро хоб бурд, вале Гурдофарид мижа таҳ накард. Нохост аз дур пирамарде намудор шуд. Гурдофарид Эраҷро бедор кард ва ҳар ду ба истикболи пирамард рафтанд. Вақте наздик шуда, салом доданд, пирамард ҷавоби салом гирифт ва як пора нон пурсид.

– Чанд рӯз инҷониб чизе ба даҳон набурдаам, – гуфт ӯ.

Эрачу Гурдофарид ҳамоно як нони бутун доданд. Пирамард хурсанд шуда гуфт:

– Ташаккур, фарзандонам! Ман сеҳргарам, маро Аша меғӯянд. Медонам, ки шумо ба ҷанги девҳо меравед, меҳоҳед он бадбахтҳоро нобуд кунед ва адолат барқарор шавад. Ба дасти шумо шамшери сеҳрноки худро месупурам, аз ин сабаб нон пурсида, раҳму шафқати шуморо доништан

хостам. Бе иродаи қавӣ, шуҷоату мардонагӣ ҳеҷ кас ба мақсад намерасад!

Баъд, пирамард дасташро боло кард, банохост аз фазо шамшере омаду дастаи худро ба кафи ӯ дод ва пирамард онро ба Эраҷ супурд. Пас гуфт:

– Ин шамшер чанд хосият дорад. Якум, оҳану сангро ҳам ду пора мекунад ва дамаш намегардад, дуюм, захми ин шамшер даво намешавад, сеюм, агар ба дасти душман афтад, пӯсти пиёзро ҳам намебурад.

Пирамард ба Гурдофарид тире камон супурд ва таъкид кард:

– Духтарам, ин тире камонро аз ман бигир. Вақте сардори девҳо Ҳингил ба ту ҳамлавар шавад, ба қор меояд. Фақат тири ин камон ҷавшани Ҳингилро шикӯфта, дили ӯро пора-пора мекунад!

Баъд пирамард ба тарафи кӯҳе ишора карду ба диловарони мо макони ҳозираи девҳоро нишон дод. Эраҷу Гурдофарид ба ӯ ташаққур гуфта ва хайрухуш карда, ба аспҳояшон савор шуданд.

Рӯз сафед мешуд. Эраҷу Гурдофарид ба доманаи кӯҳе расиданд. Дар сари кӯҳ қалъаи сиёҳ буд. Дуртар аз қалъа чанд ҳазор аскар ба назар расид ва парчае барафшон буд.

Эраҷу ва Гурдофарид наздиктар рафта мунтазир истоданд.

Нохост аз ҷониби аскарҳо садои карнай ва нақораҳо баланд шуд. Ин лаҳза дарвозаи қалъа боз шуд.

Аз дарун лашкари дев берун омад. Девҳо ҳам карнай мекашиданд, вале садои карнайи онҳо бонги барзаговро ба хотир меовард. Ин садои ваҳмангезро шунида, Эрачу Гурдофарид асп давонда наздиктар рафтанд ва ҳамон манзараро диданд, ки модарашон дар накли худ тасвир намуда буд.

Аз ҷониби лашкари подшоҳ як паҳлавони ҷавшанпӯш пеш баромад, вай дар сар низ кулоҳи фӯлодин гузошта буд. Паҳлавон, ки дар китф арғамчину камон, дар даст шамшеру сипар дошт, ба лашкари дев рӯ оварда, сардорашонро ба ҷанги тан ба тан даъват намуд.

Ҳамон замон аз тарафи муқобил як деви филсавор пеш омад. Ин дев гурзи оҳанин ба даст гирифта буд, ки сурати барзагов дошт. Дев ҷунон аррос зад, ки замин ларзиду аспҳо ҷароғноя шуданд.

Баҳодури лашкари подшоҳ дебро дида наҳаросид, шамшер аз ғилоф кашиду асп давонду пеш рафт. Деви бадҳайбат фили худро ба тарафи паҳлавон равона кард. Вай сипари худро ба шамшери паҳлавон муқобил гузошт, шамшер шикасту аз дасти паҳлавон афтид. Дев гурзи худро болои сар бардошт. Паҳлавон сипарашро тори сар гирифт. Аммо зарбаи гурзи дев ҷунон саҳт буд, ки заминро замон ларзид, миёни асп шикаст ва зин ду пора шуд.

Аз миёни лашкари подшоҳ барои паҳлавон аспи дигар бурданд. Паҳлавон ба он асп савор шуда, ҷониби дев ҳаракат кард. Ин дафъа ӯ тавонист, ки шамшер занад. Шамшери паҳлавон ба китфи дев расиду ӯро ду пора кард. Дев мисли кӯҳ аз фил сарнагун шуд.

Ин лаҳза ба паҳлавон якбора чанд дев баробар ҳамла овард.
Ин девҳо ҳам кушта шуданд.

Нохост замин ларзид, сафи девҳо ба ду тараф дарид, онҳо роҳ кушоданд ва аз дарвозаи қасри сиёҳ худи Ҳингил берун омад. Ҷуссаи вай ба ҷуссаи чанд дев баробар буд. Ҳингил пеш омаду арғамчин партофт, ҳалқаи арғамчин ба миёни паҳлавони даромад. Ҳингил ўро кашида, аз аспаш афтонд ва кашолакунон ба қаср бурд. Ба зудӣ деви бадҳайбат дубора намудор шуду барои мубориза паҳлавони дигар талаб кард.

Аз лашкари подшоҳ бо навбат чанд паҳлавон ба майдон баромаданд, вале баъзе кушта шуданду баъзир асир афтоданд.

Эрачу Гурдофарид фаҳмиданд, ки вақти ҷанги онҳо расид. Эраҷ асп давонда ба майдон баромад, Гурдофарид канор рафту тиру камон омода карда, мунтазир истод.

Эраҷи аспсавор пеш рафт ва аспаш ҷаҳиду ба фазо хест, пас аз болои сари Ҳингил гузашт. То ин лаҳза на девҳо ва на лашкари подшоҳ ин гуна ҷасорату ҷолокӣ надида буданд. Эраҷ ҷаҳор маротиба ҷунин кард, баъд дар муқобили дев қарор гирифта, бонг зад:

– Дер боз қасди ту дорам, эй нобакор! Инак, рӯ ба рӯ омадем!

Ҳингил хандиду гуфт:

– Агар ту ҷанговар мебудӣ, шамшеру сипар мегирифтӣ!
Канӣ шамшеру сипари ту?

Эраҷ ҷавоб дод:

– Шамшеру сипари ту аз ман хоҳанд шуд!

Дев аз ғазаб ларзид, вай гурзи худро болои сар бардошта, чониби Эрач давид. Ин лаҳза Гурдофарид тир афканд, тири камони ӯ ба чавшани дев бархӯрд, онро сӯроҳ кард ва ба дил расид. Эрач пеш чаҳиду шамшер зад. Ҳингил ду пора шуда афтиду чон дод.

Аз ҳар тараф садои карнай ва нақора баланд шуд. Лашкари подшоҳ ба шӯру шавқ омада ҳучум кард. Девҳо рӯ ба гурез ниҳоданд. Аммо қисме кушта шуданду қисме асир афтоданд. Баъди чанд лаҳза аскарон ба қалъаи сиёҳ ворид гаштанд.

Эрачу Гурдофарид ва чанд паҳлавони дигар ба чустуҷӯи асирон рафтанд, ки дар зиндон азият мекашиданд. Онҳо кулфҳоро шикаставу дарҳоро кушода, ба маҳбасхонаҳои торик даромада, асирони нимчону гуруснаро, ки аз зинда мондан умедашонро канда буданд, озод карданд. Асирон ҳалосгарони худро шодона истиқбол мегирифтанду ашки шодӣ мерехтанд.

Ниҳоят Эрач ва Гурдофарид ҳамроҳи ду паҳлавон ба як хонаи торик даромаданд, ки як марди нимчон хобида буд ва маҷоли сухан гуфтан надошт. Эрач ӯро рӯи даст гирифта, ба ҷойи рӯшан бурд. Ин асир ҳавои тоза нафас кашиду ҷашм кушод ва боз чанд лаҳза гузашту ба чанд савол ҷавоб гуфт, ҳатто номашро ба забон овард, сангтарош буданашро ҳам хотиррасон кард.

Эрач фаҳмид, ки ин мард сангтароши машҳур аст ва падараш мешавад.

– Падарҷон, ман Эрачам! – хитоб кард ӯ.

Одамон баробар хитоб карданд:

– Сангтароши азизи мо, акнун ту озод астӣ, барои мо боз хизмат хоҳӣ кард!

Ҳамин тавр, Эрач ва Гурдофариди далер ба лашкари подшоҳ пайваста, тӯдаи бадхоҳу бадҳайбату бадкори девро nobуд карданд ва падару асирони зиёдро озодӣ бахшида, хурсанду сарбаланд ба ватанашон баргаштанд.

Эрач ва Гурдофарид

Хулласи калом, дӯсти ман он аст, ки далериву шуҷоатмандии ҷавонмард бояд дар ғамхорӣ ва дифои наздикони ӯ ошкоро гардад. Эрач нисбат ба модар ва хоҳари худ ғамхор буд. Ӯ ба хоҳари худ ҳамаи он малаку ҳунарҳоеро, ки худ медонист, омӯзонд. Онҳо ҳамчоя аз як гиребон сар бароварда амал карданд ва тавонистанд, ки девҳоро мағлуб созанд. Далериву хушёрии Гурдофарид барои духтаракони ҷавон намунаи ибратанд. Зеро ки на танҳо писарону ҷавонмардон, балки духтарон низ қаҳрамон шуда метавонанд.

ҲАФТ ДОДАРУ ЯК ХОҲАР

(Илҳом аз афсонаи халқӣ)

Буд набуд, як марду як зан буд. Онҳо соҳиби ҳафт писар буданд, вале духтар надоштанд. Бародарон ҳар замон мегуфтанд:

– Агар мо хоҳар медоштем, чӣ қадар хуб мешуд! Ҳар чӣ хоҳад, барояш муҳайё мекардем, ягон чизи оламо дарег намедоштем!

Ҳафт бародар ҳар рӯз ба шикор рафта, дар кӯҳу пушта оҳу, мурғи марчон ё ягон ҳайвони дигари ваҳшӣ шикор карда, рӯз мегузаронданд, вале орзу ва умеди соҳиби хоҳар шудан аз сари бародаронро ҳаргиз берун намешуд.

Як рӯз онҳо ба модарашон гуфтанд:

– Модарҷон, мо шикор меравем, агар хоҳардор шавем, фармояд, ки дар болои дарвоза рӯймолак, агар додардор шавем, камон овезанд.

Ҳамон рӯз модар духтар таваллуд кард ва ба момодоя фармуд:

– Як рӯймолак гирифта, дар болои дарвоза овез. Писаронам омада бинанду хурсанд шаванд.

Момодоя дар болои дарвоза рӯймолак овехт. Бародарон аз шикор баргашта, дар болои дарвоза рӯймолак дида, хурсанд шуданд.

Бародарон ба хоҳарашон Гулмоҳ ном доданд ва ўро чунон дӯст доштанд, ки ҳар чӣ худашон медонистанду

метавонистанд, ба вай низ омӯзонданд. Гулмоҳ басо доною зирак ба воя расид.

Боре ду бародари калонӣ ба шикор рафта, аз паси як гавазн хеле асп давонданд ва ниҳоят ба чангале расиданд, ки пеш аз ин рӯз кадамашон нарасида буд. Чангал бисёр зебо ва пур аз чонвар буд. Гавазн дар ин ҷо ба ғоре даромаду пинҳон шуд. Бародарон ҳам саросема ворида ғор шуданд, аммо чанд кадам дарун рафта, якбора ба ҳайкалҳои сангин табдил ёфтанд. Лекин ба аспҳояшон осеб нарасид, онҳо аз ғор баромада, ба деҳа баргаштанд.

Ҳама хавотир шуданд. Рӯзи дигар панҷ бародари дигар аспҳояшонро зин зада, ба суроғи ду бародари бедаракшудаашон рафтанд. Лекин онҳоро ҳам тақдири он ду бародар насиб гардид, яъне аз паси гавазн ба ғор даромада, ҳайкал шуданд. Акнун дар ғор ҳафт бародар ҳайкалвор ночунбон меистоданд.

Як рӯз Гулмоҳ ба модараш гуфт:

– Модарҷон, ман ба ҷустуҷӯи бародаронам меравам!

Модар зорию тавалло кард, ки Гулмоҳ аз раъяш баргардад, гуфт, ки ӯ духтар асту бародаронашро пайдо карда наметавонад, баръакс, модарро аз духтари ягонааш маҳрум накунад. Вале Гулмоҳ аз уҳдаи ин кор мебароям гуфта, модарро ба гап даровард ва дуою тӯша гирифт ба аспе савор шуда, ба роҳ баромад.

Гулмоҳ чанд шабу чанд рӯз роҳ паймуд ва оқибат ба канори ҳамон чангали пурфалокат расид. Ногоҳ гавазни чанбаршоҳе дид, аз паси гавазн рафта, ба ғоре расид. Ба ғор даромаду ҳафт ҳайкали сангини бародарони худро дид ва дарҳол фаҳмид, ки ин кори сеҳргаре аст. Духтар пештар

рафта, кулбае дид, аз асп пиёда шуду оҳиста ба кулба даромад. Он ҷо як кампир нишаста буд. Гулмоҳ гуфт:

– Ассалом, бибиҷон!

– Салом, Гулмоҳ, – ҷавоб дод кампир ва пурсид: – Ту омадӣ, ки бародаронатро ҳалос карда бубарӣ?

– Бале, бибиҷон. Маълум, ки шумо маро мешиносед. Акнун бигӯед, ки ҷаро бародарони маро сеҳр кардед?

– Бародарони ту гавазани маро шикор кардан хостанд. Барои ҳамин сеҳр кардам, – ҷавоб дод кампир.

Гулмоҳ пурсид:

– Ман омадам, ки гуноҳи онҳоро ҷуброн кунам.

Кампири ҷодугар гуфт:

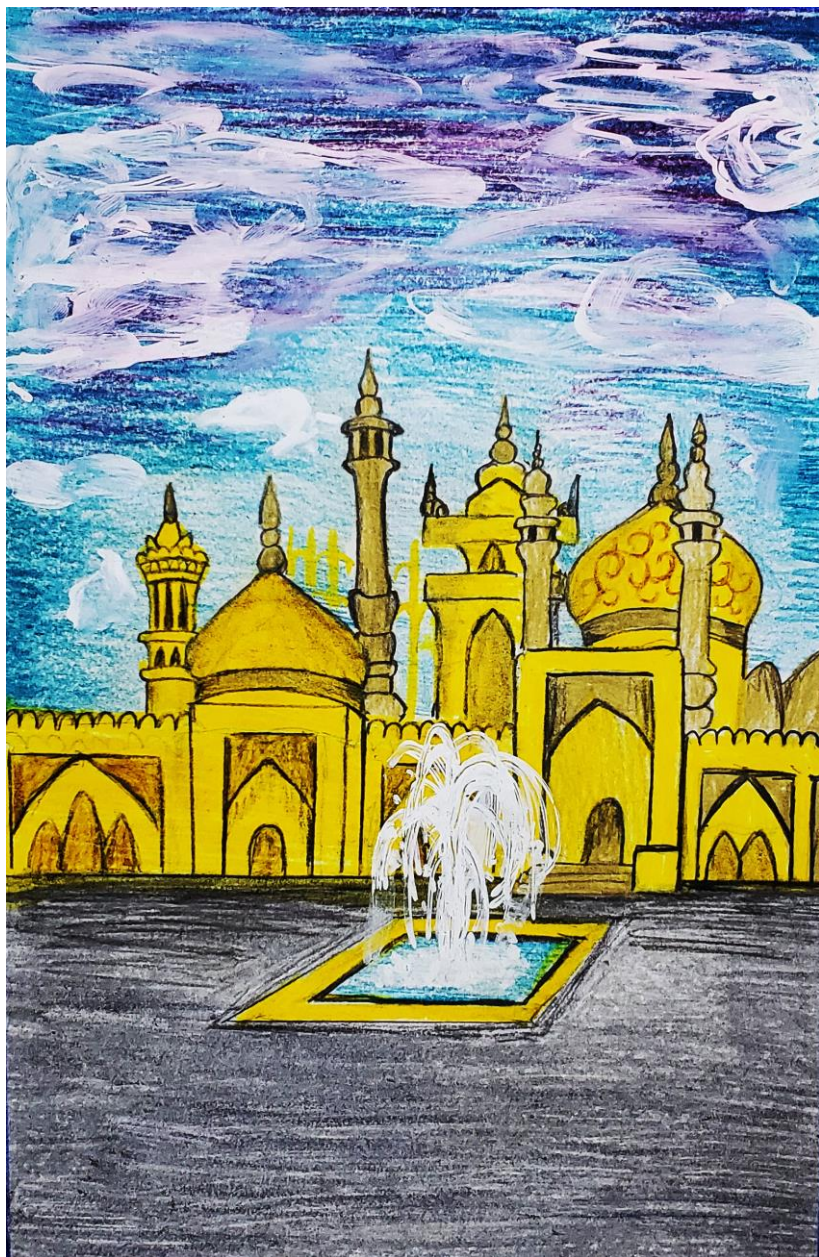
– Нағз, агар аз се имтиҳон гузарӣ, гуноҳи бародаронат бахшида мешавад. Онҳо дубора фарзанди одам шуда, ба хона бармегарданд. Агар аз имтиҳон нагузаштӣ, худат ҳам ҳайкали сангин шуда, дар ғор мемонӣ.

Гулмоҳ пурсид:

– Ман бояд чӣ кор кунам?

Кампири ҷодугар гуфт:

– Якум, ба канори ҷангал рав, як қаср мебинӣ, ин қасри як подшоҳ аст, подшоҳ як санги сеҳрнок дорад, ин санг оҳанро ба тилло табдил медиҳад. Бираву ҳамон сангро дуздида биёр!

Гулмоҳ хуб гуфту аз кулба берун рафт ва ба канори ҷангал расид. Он ҷо қасре дид, ки бому дару девораш аз тилло буд.

Гулмоҳ пеши дарвозаи қаср истоду ба андеша рафт, зеро даст ба дуздӣ задан намехост, аммо хоҳиши наҷот додани бародаронаш ғолиб омад. Ба ҳар ҳол духтар ба худ қавл дод, ки дуздӣ намекунад, санги сеҳрнокро ҳақу ҳалол ба даст меорад. Вай ҳалқа ба дари қаср зад. Як хидматгори подшоҳ дарвозаро кушода, Гулмоҳро ба назди подшоҳ бурд. Духтари ҷасур ба ҷӣ мақсад омаданабро ба подшоҳ рӯирист гуфт.

Подшоҳ табассум карду ҷавоб дод:

– Нағз, ки духтари поквичдон будай. Аммо санги сеҳрнокро ба касе медиҳам, ки дар бозии шоҳмот маро мот карда тавонад.

Хушбахтона, бародаронаш ба Гулмоҳ шоҳмотбозӣ ҳам ёд дода буданд. Гулмоҳ онҳоро мот ҳам мекард. Аз ин сабаб, вай розӣ шуд.

Подшоҳ гуфт:

– Фардо субҳидам биё.

Пас ба хидматгоронаш амр дод, ки меҳмонро иззату иқром карда, барояш тамоми шароитро муҳайё намоянд.

Субҳ дамид. Хидматгорон Гулмоҳро ба ҳузури подшоҳ бурданд. Он ҷо вазирону муқаррабони шоҳ низ ҳозир буданд. Тахтаи шоҳмот оварданд. Бозӣ сар шуд ва то бегоҳ давом кард. Подшоҳ бисёр кӯшиш намуд, ки Гулмоҳ мағлуб гардад, аммо натавонист. Ниҳоят, Гулмоҳ хитоб кард:

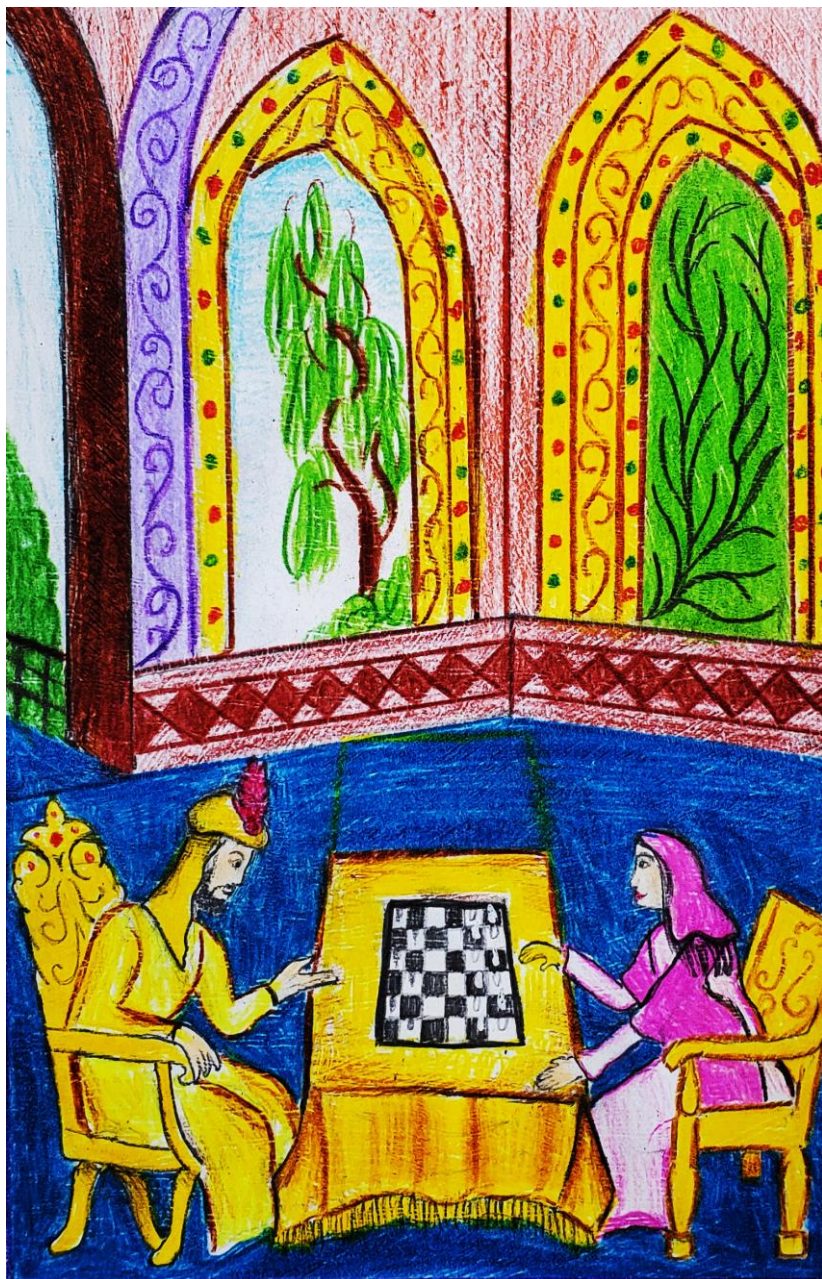
– Кишт!

Подшоҳ афсӯс хурд ва зери лаб пичиррос зад:

– Ҳа, мот шудам... – ва санги сеҳрнокро бароварда, ба Гулмоҳ дод.

Гулмоҳ сангро гирифтӣ шоду мамнун ҷониби кулбаи кампири сеҳргар шитофт. Вақте аз дар дарун қадам гузошт, кампир табассум кард.

– Аҳсан! – гуфт вай. – Хуб шуд, ки санги сеҳрнокро надуздидӣ, вагарна аз имтиҳон намегузаштӣ. Ин супориш барои санчидани вичдон ту буд.

– Боз чӣ меҳоҳед? – пурсид Гулмоҳ.

Кампир гуфт:

– Акнун ба шимоли ҷангал рав. Он ҷо як дарахти баланд ҳаст. Ана, ба ту ресмон. Ба дарахт боло шав, як лонаи калон мебинӣ. Ин лонаи Симурғ асту ҳуди Симурғ дар шикор. Ба лона як мор даромада, ҷўчаҳоро хўрдан меҳоҳад. Ба мор ҳалал нарасон, бигзор, вай ҷўчаҳоро лутмаи хом карда равад. Аммо дар лона як занҷири тилло мебинӣ. Ҳамонро барои ман биёр.

Гулмоҳ ресмонро гирифт ба аспаш савор шуд ба шимоли ҷангал равона шуд. Ба канори ҷангал расид, ҳамон дарахти баландро пайдо карда, дар он як лонаи калон дид. Духтар ҷусту ҷолок ба дарахт баромад. Ҷўчаҳои Симурғ ўро дида, шодона бол афшонданд. Ин лаҳза як мори дарози бадҳайбат ба танай дарахт печида, боло шудан гирифт. Ба ҳоли ҷўчаҳо дили Гулмоҳ сўхт. Камонашро гирифт ба мор чанд тир зад. Мор бечон шуда, аз дарахт афтид. Баъд Симурғ омад. Симурғ мори мурдаву ҷўчаҳои зиндаро дида, ба Гулмоҳ гуфт:

– Ба ивази некиат ман ҳам некӣ мекунам. Мана, ба ту занҷири тилло!

Гулмоҳ занчирро гирифт ба кулбаи кампири сеҳргар омад. Кампир ӯро дида бори дигар табассум кард ва гуфт:

– Кори хуб шуд, ту аз имтиҳони дуом ҳам гузаштӣ, имтиҳони дуом барои санҷидани раҳму шафқат буд. Агар мор чӯчахоро фурӯ мебурд, ҳафт бародари ту як умр санг мемонданд. Ҳоло имтиҳони охирин монд. Агар аз он гузаштӣ, бародаронат ба хона бармегарданд, вагарна худат ҳам ҳайкал шуда дар ғор боқӣ хоҳӣ монд.

Кампири сеҳргар боз гуфт:

– Ҳоло бирав ба тарафи ғарби ҷангал. Он ҷо як қаср ҳаст. Ин қасри ойинаҳост. Хонаи бисёр дорад, лекин ба ин хонаҳо кадам нагузор. Рост раву ба хонаи калонтарин даро. Ин хона дар ошёнаи дуом аст. Баъд, дар рӯ ба рӯ як ойина мебинӣ. Ин ойинаи тақдирнамост. Ҳамонро гирифта биёр.

Гулмоҳ ба аспаш савор шуду тарафи ғарби ҷангал рафт. Дар канори ҷангал як қасри пуршукуҳ дид. Ба қабати дуом баромад. Он ҷо чандин дари зебо ба назар расид. Гулмоҳ хонаи калонтаринро пайдо карда, ворид шуд. Дар ин хона як ойина буд. Духтар ба он нигоҳ карда, худро нашинохт: ба тарафи ӯ як маликаи нозанин нигоҳ мекард.

Ногоҳ ойина ба забон омада гуфт:

– Наздик биё, манн ойинаи тақдирнамоям, туро ба кишвари афсонавӣ мебарам, он ҷо малика хоҳӣ шуд. Бубин, ки чӣ қадар нозанинӣ! Ба сару либосат нигоҳ кун, чӣ қадар зебидааст!

Дар ҳақиқат либоси шикории Гулмоҳ дар ойина ба пирохани ҳарир табдил ёфта ва бо ресмони зарин гулдӯзӣ шуда буд. Дар сари духтар тоҷ ҳам пайдо шуд, дар банди

дасташ дастпонаву дар ангуштонаш ангуштаринҳо дид. Ҳар ангуштарин нигине дошт аз ёкут.

Саҳл монда буд, ки Гулмоҳ ба васвасаи ойина дода шавад. Аммо суханони кампири сеҳргарро ба ёд овард, ҳафт бародари ҳайкал шудааш пеши назар омад ва худдорӣ кард. Пас рӯймолаке гирифту чашмонашро баст, то ойинаро дигарбора набинад. Оҳиставу боэҳтиёт пеш рафт, ойинаро ба даст гирифт ва аз қаср баромаду рӯймолакро гирифта, тарафи кулбаи кампири сеҳргар давид. Вале ойина аз гуфтан бознамонд.

– Беҳуда аз ман рӯ тофтӣ, ханӯз ҳам дер нашудааст, баргард,
– илтиҷо мекард вай. – Бахти худро пеши по назан, аз давлату доройӣ рӯ нагардон!

Ин дафъа ҳам кампири сеҳргар ўро чехракушода пешвоз гирифт.

– Офарин, Гулмоҳ! – гуфт вай. – Ту аз имтиҳони душвортарин сарбаланд гузаштӣ. Инаш имтиҳони садоқат буд. Агар давлату сарват гуфта, аз баҳри бародаронат мегузаштӣ, на онҳо наҷот меёфтанд, на худат. Ҳоло ба ту санги сеҳрноки аз подшоҳ овардаатро тухфа мекунам. Ин санг оҳанро ба тилло табдил медиҳад. Акнун назди бародаронат бирав, ба ҳар кадомашон аспӣ бодпо бахшидаам. Ҳама шоду мамнун ва хотирҷамъ ба хона, назди падару модаратон равед!

Гулмоҳ ба кампир ташаккур гуфту аз кулба берун баромад. Ҳафт бародари ӯ зинда шуда, мунтазири хоҳарашон истода буданд. Бародарон хоҳари диловари худро дида, ашки шодӣ рехтанд.

Чун ҳама аз ғор берун шуданд, ҳафт аспӣ бодпои зину лаҷомашон зарин диданд ва дарҳол савор шуданд.

Қисса кӯтоҳ, Гулмоҳ ба мурод расид, вай бародаронашро наҷот доду ба хона овард. Падару модар, ки бо чашми чор пеши остона нишаста буданд, фарзандони худро зиндаву сихату саломат дида, курта-курта гӯшт гирифтанду гул-гул шукуфтанд.

Инҳо ҳам ба мурод расиданд, шумо ҳам ба мурод расед!

Ҳафт додару як хоҳар

Маънои ин афсона, дӯсти азизи ман дар он аст, ки агар Шумо хоҳар дошта бошед, пас ба ӯ ҳамаи хунархоро омӯзонед. Зеро ки дар ҳаёт ҳар гуна мушкилиҳо ба миён омада метавонанд. Агар хоҳари Шумо ба мисли Гулмоҳ шучоъ, далер ва зирак бошад, ӯ метавонад Шуморо дар вақти мушкили зиндагӣ дастгирӣ кунад. Ҳафт бародарон ба Гулмоҳ на танҳо камонварӣ ва човандозӣ, балки шохмотбозиро низ омӯзонданд. Маҳз ҳамин малака ба ӯ кӯмак расонд, ки аз имтиҳони кампири сеҳргар гузарад. Бародарон хоҳари худро бо меҳру муҳаббат ихота карда буданд. Бинобарин, вақте ки оинаи сеҳрнок ба Гулмоҳ тиллову боигариро пешкаш кард, Гулмоҳ ба васвасаи ойина дода нашуд ва начоти бародарони азизашро интиҳоб кард. Духтарон метавонанд ба қуллаҳои баланд ва қаҳрамониҳо ноил шаванд, аммо онҳоро бояд дар ин раванд дастгирӣ намуд.

СОДЕРЖАНИЕ

Сказ о храброй дочери.....	4
Волшебная серна.....	21
Эрадж и Гурдофарид.....	39
Семь братьев и одна сестра.....	57

МУНДАРИЦА

Афсонаи духти часур	72
Нахчири афсунгар	93
Эрач ва Гурдофарид	111
Хафт додару як хоҳар	127

Зебунисо Расулзаде

СКАЗКИ

АФСОНАҲО

Перевод на таджикский язык выполнен при содействии
Центра переводов при Союзе писателей РТ.

Переводчики: Камол Насрулло, Азиз Азиз,
Абдуманнонов А.

Редактор: Абдуманнонов А.

Художник-иллюстратор: Набиева С.